

Дмитрий Торчев

Рассказы

На обложке — рисунок автора

Дмитрий Горчев

РАССКАЗЫ

ГЕЛИКОН ПЛЮС
Санкт-Петербург
1999

СКАЗКИ

Сказка, которую все знают

Вы все, конечно, эту сказку знаете. Ну, про то, как жила-была капризная принцесса, и её выдали замуж за первого встречного нищего, чтобы не очень о себе воображала. А нищий впоследствии оказался соседним королем.

Не знаю, как вам, а мне эта история всегда была подозрительна. Что это за принцесса такая, что, вместо того чтобы хорошенько треснуть по уху своего нищего, который, оказывается, над ней столько времени издевался и делал из нее круглую дуру, разулыбалась до ушей и умерла с ним в один день? Я, конечно, принцесс не очень много знаю, но зато был неоднократно знаком со швеями-мотористками. Так вот, даже швея-мотористка немедленно плюнула бы этому королю на мантию и ушла бы к себе в общежитие.

Тут мне кто-нибудь начнет жалостливо растолковывать, что та принцесса жила давным-давно, да ещё и в тридевятом государстве... Не хочу даже этого слушать. Почему-то считается, что давным-давно все были простые, как брюква, без всяких этих затей. Всем как-то кажется, что любое следующее поколение куда замысловатее предыдущего, а что умнее, так это наверняка. Даже на родителей своих мы смотрим, как на детей — раз уж они, дожив до таких лет, не свихнулись, не утопились и не ушли в монастырь, стало быть, жизнь они прожили скучную и незатейливую и о бурях наших душ никакого понятия не имеют.

Нет, люди, они всегда одинаковые. Вот вы, дорогой читатель, если досюда дочитали, значит, вы очень сложный. А вон тот, который идет мимо в болониевой куртке, — он как раз простой, как брюква, хотя, к сожалению, живёт с нами одновременно.

Ох ты, господи ты боже мой, помоги же мне как-нибудь выехать обратно на скользкую тропинку сюжета.

А то есть у меня знакомая. Начнёт она, бывало, рассказывать историю. Там и пройти-то — два шага, но после первого же предложения она убредает в какой-то бурелом и пишет там совершенно дикие кренделя, как казённый Дед Мороз в новогоднюю ночь после пятой поздравленной квартиры. Наконец, она забредает в какую-то уже совершенно ледяную пустыню, где давно уже вымерли последние дальние знакомые малознакомых родственников, и тут происходит чудо — с помощью обыкновенного «так вот» она, как какое-то кенгуру, делает громадный прыжок и оказывается на финише, где её тоже, впрочем, уже никто не ждёт и судья давно спит в кустах, накрывшись клетчатым флажком, чтобы во сне не проглотить муху.

А к чему я это? Да ни к чему. Так просто.

Так вот (делаем прыжок), было все с принцессой совсем не так. Хотя, не настаиваю, что было совсем уж так, как я рассказываю. Я не Матфей и не Лука, но, как и в случае с их историей, ясно одно — что-то, однако, было.

Но больше всего меня, впрочем, беспокоит одно — не обиделась бы на меня та самая знакомая, которая так любит рассказывать истории.

А знаете, я уже однажды писал историю про принцессу. Та принцесса почему-то получилась у меня очень похожей на одну совсем другую мою знакомую.

Отчего это так? Зачем они всюду лезут, эти знакомые? Куда от них деться? То ли не знакомиться ни с кем? Так

ведь поздно уже. Хорошо бы, конечно, возникнуть где-нибудь посреди океана в результате вулканического процесса, сидеть там на голой скале и творить, по совету Оскара Уайльда, чистое искусство.

Впрочем, этот самый Уайльд тоже гриб ещё тот был.

Тьфу ты, господи: надо твердить про себя: «принцесса-принцесса-принцесса», чтобы не забывать.

Или попробовать наоборот — забыть про нее к чертовой матери? Вот тогда она и полезет изо всех щелей. А может, и нет. Это вам не «дерни за веревочку — дверь и откроется». Это в их сказке дверь откроется. А в моей — веревочка оторвется. Или не оторвется, зато кирпич на голову упадет. Или дверь откроется, а оттуда выйдет волосатый молодец и даст в зубы. Да мало ли чего — может и принцессы никакой нет, а есть Пелагея Иванна Дундукова на семнадцатом месяце беременности.

Тут надо осторожненько. И ни за какие веревочки, упаси Господь, не дергать.

И все-таки вернемся к принцессе.

Вот говорят — принцесса была капризная. Неправда это. Она была совершенно нормальным человеком.

Посмотришь, кстати, порой на любое существо женского пола, на котором ты не женат, и даже удивительно — совершенно нормальный человек! Иногда даже более нормальный, чем сам человек. Тут-то их и можно раскусить. Они же, как шпионы в чужой стране, как Штирлиц, который куда хуже немец, чем самый разнаинемецкий Гитлер.

Но здесь нужен особый угол зрения, специальное искривление, которое возникает только после множественных контузий на личном фронте, эдакое удачное сотрясение, как у того человека, который заговорил по-древнегречески после того, как ему на голову упала люстра.

Тут я с грустью признаюсь, что лично я, несмотря на многочисленные контузии, таким искривлением не обладаю и всякий раз верю им как младенец, которого добрый дядя зовет в кустики, чтобы угостить конфеткой.

Ну и пусть их. Им же тоже нужно как-то размножаться. Я их все равно всех люблю. Ну, разве что, кроме некоторых, совсем уж вопиющих экземпляров.

А знаете что? Если вас действительно интересует история с принцессой, бросьте вы это читать. Я и сам не знаю, доберусь до конца или нет. Не подумайте только, что мне так уж наплевать на эту принцессу. Я её, может, больше вас люблю.

Хотя чего не бывает? Тогда я признаюсь, что именно Вас я люблю больше, чем принцессу, с которой, кстати сказать, совершенно не знаком.

А жаль. Бог ты мой, как жаль, что я не знаком со столькими людьми! Но больше того жаль, что с некоторыми, все ж таки, знаком.

А с принцессой я бы с удовольствием познакомился. Она, притом, что некапризная, была ещё и умная. Нет, про Шопенгауэра она ничего не рассказывала. И слава Богу. По мне, этот Шопенгауэр ещё хуже Ницше. А уж про Ницше вы в моем присутствии лучше и не заговаривайте. Зато у принцессы была та самая куча здравого смысла, которая с рождения отличает любое существо женского пола от этих сопливых игрунов в войнушку, прыщавых мастурбаторов и плешивых террористов.

Кроме того, принцесса была красивая.

Нет, если мы подглядим из-за шторы, можно порассуждать, что, мол, вот тут бы потолще, а там — наоборот... Но мы даже про себя рассуждать ничего не станем. И упаси нас Боже от женщин совершенных форм и черт. Кем

бы мы были рядом с ней? и так у самой неказистой из них все устроено куда удачней, чем у Аполлона Бельведерского. Да посмотрите на себя, мужики —там мослы торчат где попало, здесь —пук волос зачем-то, а уж тут и вовсе такое, что только руками развести.

Поэтому, нисколько не кривя душой, скажу, что принцесса была красивая. Точно так же думали, или притворялись, что думали, все окрестные короли и принцы. Они слагали ей мадригалы и сонеты, а может, и не слагали. Может, заказывали их придворному дворнику, поди проверь. Очень редко случается, чтобы король был ещё и поэтом, и правильно. Видел я этих поэтов. Мало кто из них выговаривает больше тридцати букв, гугнявые все какие-то, бородавчатые. А король, он должен женщинам нравиться, а то их мужья живо республику установят.

Поэтов, их нужно искать где-то среди дворников и киоскеров, потому как для поэзии нужен недостаток женской ласки. Один знакомый мне говорил: «Я, когда был холостой, не поверишь —стихи даже сочинял». Впрочем, тут важно удачно жениться.

Только принцесса этих сонетов не читала. Она стихов вообще терпеть не могла и к королям и принцам относилась с сомнением.

Вся беда была в том самом полцарстве, которое её папа давал в придачу. У принцессы возникали вполне обоснованные сомнения —это не её ли хотят взять в придачу? Ведь даже принцессе хочется, чтобы кто-то взял да и полюбил именно её, а не полцарства. Полцарства-то полюбить —дело нехитрое, а ты поди-ка, полюби меня, с моим дурным характером, с моими капризами, про которые я-то знаю, что они капризы, а тебе скажу, что это вопрос жизни и смерти.

Да, тяжело жить на свете с полцарством впридачу.

Я не пробовал, да и вы, подозреваю, тоже. Но все эти миллиардеры и миллиардерши так уж убедительно травятся снотворным и лечатся от депрессии, что у нищего, роющегося в плевательнице, вдруг возьмет да и возникнет кощунственное подозрение — а вдруг и правда не в деньгах счастье? Да где ж оно тогда, это счастье? Зачем жить-то тогда? Нет, нас не надуешь, и нищий, затянувшись сопливым окурком, залезает по локоть в плевательницу, надеясь найти там бриллиант величиной с грецкий орех.

А что, дорогой читатель, давай шутки ради помечтаем, что все у нас с тобой есть, а счастья, как не было, так и нет. Где его тогда искать? Сейчас-то мы с тобой точно знаем — где, а тогда как?

Но мой добрый читатель машет на меня рукой — как, мол, так? Все есть, а счастья нет? Так не бывает.

Не знаю, не знаю. Не пробовал.

Да, нелегко было принцессе.

Но королям и принцам тоже можно посочувствовать. Сидит, представьте, перед вами принцесса, вся при исполнении, как кондуктор в трамвае, застегнутая на все пуговицы и затянутая в пуленепробиваемый корсет, а ты её возьми, да не сходя с места полюби. А кругом все стоят и глазают: полюбит или не полюбит? Им, людям, всегда интересно в чужую любовь пальцем потыкать. Своей-то любовью они заниматься не умеют.

Нет, любовь так не делается.

Когда заявляешь такое, со всех сторон набегают несчастные с вопросом — а как? Как она делается?

Да отстаньте вы от меня! Кабы я знал как, не писал бы я историй про принцесс.

Бывают, однако, специалисты. Взять, к примеру, того же кондуктора да подойти к ней с правильной стороны — вам

такие сокровища откроются, что вы еще десять лет в трамвай заходить побоитесь. А тут — принцесса!

Вот я, к примеру, ни за что не набрался бы духу её полюбить. Тут полюбишь бывало какую-нибудь швею-мотористку и то не знаешь — то ли в окошко выпрыгнуть, то ли стих сочинить. А с принцессой свяжись — одни портянки останутся, и те обгорелые.

Нет, пускай их лучше герои любят. Герои, они ребята незамысловатые. Лбы у них казенные и в головах у них кроме желания послужить отечеству все равно ничего нет. И любовь им вовсе не страшна, а вполне даже приятна. Им только дай повод подвигов наделать.

Таких героев перед принцессой прошел целый табун. Полюби такого — да он ради тебя кому хочешь голову проломит. Но принцесса, уже теоретически знакомая с тайнами любви, пожимала плечами — зачем совершать столько лишних телодвижений, чтобы всего лишь проломить кому-то голову? Можно ведь и просто утюгом. И очередной герой не солоно хлебавши брел совершать никому не нужные подвиги во имя Прекрасной Принцессы.

Поймает, бывало, сарацина, высечет его по мягким местам и отпустит, строго-настрого наказав ему славить принцессу на каждом углу. Хорошо еще, если сарацин окажется жулик. А если нет? Вот вы бы обрадовались, если бы какой-то немый сарацин славил вас на каждом углу? Да ещё неизвестно, что он там плетет по-сарацински.

Отчего-то считается, что принцессы это очень любят. Удивительно, но их никто не держит за нормальных людей. Ну разве можно нормальному человеку сказать: «О, звезда моих очей!» А принцессы ничего, терпят. Но при этом хотят-то они примерно того же, что вы, я или та самая швея-мотористка.

Хотя как раз швея-мотористка со мной наверняка не согласится. Я, скажет, хочу норковую шубу, а у принцессы

твоей, небось, этими шубами два шкафа забито. Не знаю я, меня принцесса в эти шкафы ни от кого не прятала, а вот про шубу — это зря. Да не шубу тебе нужно, милая ты моя. Зачем тебе шуба-то? Чтоб тепло было? Так надень пару телогреек, ей-богу, согреешься. Нет, ведь тебе же надо, чтоб на тебя мужики пялились и млели, а бабы зыркали и синели и чтоб всех их растолкал тот самый, который... Да черт его знает, что ей там видится, этой швее.

Вот и получается, что нужно-то всем одного, только все называют это одно по-разному — кто-то говорит «шуба», другой говорит ещё что-нибудь, принцессе, у которой все уже есть, хочется просто немного любви, но непременно радостной, а я и вовсе говорю, что мне ничего не нужно. Да нужно, конечно же, нужно, и примерно того же, что нужно принцессе, швее-мотористке, кондуктору в трамвае и плешивому герою, чтоб ему пусто было.

А теперь отвлечемся от принцессы, которой я и так уделил не слишком много внимания.

Это, наверное, самый лучший метод обращения с ними. с принцессами следует разговаривать зевая и скучая, тогда они моментально начнут вас любить больше жизни. Только не вздумайте сами полюбить принцессу больше жизни, а то она тут же начнет сама зевать и скучать.

Это вам мой частный совет. Можете как-нибудь попробовать. Только, если что не так, чур, морду мне не бить. Свою голову иметь надо.

А мы пока вместо принцессы займемся соседним королем.

И сразу мне становится скучно. Ну что про него скажешь?

Поймать, к примеру, на улице мужика. Морда красная, нос как слива. И все — пошел, мужик, вон. Он и сам-то про себя ничего сказать не может.

Другое дело — принцесса. Про нее тоже ничего не скажешь. Только руками разведешь да пальцами эдак пошевелишь — и все.

Даже вон та, что с мужем развелась. Кто-нибудь на нее посмотрит и брякнет не подумавши, что, мол, морда у нее как у дойчмарки. А я подумаю и руками разведу. Они, принцессы, такие.

Только не спрашивайте, ради Бога, какие.

Поэтому принцессу мы пока отложим на экспозицию и займемся соседним королем. Этот король заслуживает нашего внимания хотя бы потому, что никаких мадригалов он принцессе не посылал. И вовсе не потому, что решил поделиться из серой массы эрцгерцогов и падишахов, а по объективным причинам.

Дело в том, что единственный дворник в его королевстве, сколько-нибудь пригодный к сочинению мадригалов, был по приказу самого короля посажен на пожизненную гауптвахту за появление на утреннем разводе в нетрезвом виде.

Так что король, гремя амуницией, но без всякой поэтической поддержки самолично явился на предмет полюбления к принцессе и самолично же был изгнан ею в три шеи с официальной формулировкой «фельдфебель и конюшня».

Какой-нибудь хлипкий королишко начал бы от такой обиды размахивать шпажкой, объявлять войну и героически падать на поле битвы в сурчиную нору.

Но наш король был не таков. Произведя внезапную ревизию на продуктовом и вещевом складах, он расстрелял соответствующих кладовщиков и понял, что войны ему не потянуть.

Однако прилагаемое к принцессе полцарства настолько изобиловало стратегическими высотами, с которых можно

было лупить прямой наводкой хоть по турецкому султану, что предпринять что-то было просто необходимо.

Тут бы спросить нашего короля — а что тебе, в сущности, этот султан сделал? Только это бесполезно. Пожал бы он плечами и сказал, как, мол, так, в турецкого султана, да не палить? Положено так.

Что тут возразишь, раз положено?

Солнцу положено всходить на востоке, а по турецкому султану положено палить из пушек и писать ему матерщинные письма.

Такой в этом мире порядок.

Поэтому, пусть его, этот дурак-король палит по султану. Султан, он и не такое терпел.

Что же было дальше, подумал я, и вдруг вспомнил, что вы все эту сказку и так знаете.

Конечно же, все было совсем не так, но, увы, сказка предполагает счастливый конец. Иначе это будет не сказка, а исторический роман про Марию Стюарт. Той-то хоть можно отрубить голову, а принцесса в сказке почему-то обязательно должна в конце выйти за кого-нибудь замуж. Я могу, конечно, сделать так, чтобы нищий король так и остался нищим, но не знаю — сам-то он этому обрадуется?

А своими руками делать из милой, некапризной и, как мы договорились, красивой принцессы толстую, скандальную и мучимую всеми известными болезнями королеву — это уж увольте.

Пусть лучше она и дальше сидит пока на троне в пуленепробиваемом корсете и, как бы, никому не достанется.

Беда в том, что кого-нибудь (а уж тем более принцессу) очень трудно сделать счастливым, если он сам толком не знает, что ему, в сущности, нужно.

А ещё противнее, когда человек совершенно точно это знает и имеет четкий план на ближайшие пятьдесят лет.

Вот есть у меня знакомая... Нет, даже для моей сказки это не годится.

Но я что-нибудь придумаю.

Должен же где-нибудь когда-нибудь случиться счастливый конец?

1994, 1997

Один благородный рыцарь

Один благородный рыцарь полюбил прекрасную принцессу, дочь короля того самого королевства, в котором он жил.

Но когда благородный рыцарь пришел свататься, король показал ему дулю, а принцесса язык, потому что папа давно обещал отдать её замуж за соседнего султана, чтобы иметь выход к морю.

Благородный рыцарь, который не привык отступать, пошел и взбунтовал крестьян, наговорив им всякие враки про то, как, якобы, крестьяне живут в Люксембурге.

Крестьяне схватили кто колье, кто дубье и пошли требовать у короля ежедневное бланманже к завтраку.

Увидев такое количество чумазных бунтовщиков, королевское войско спряталось в сортир и никому не открывало.

Пока крестьяне гонялись за поварихой, благородный рыцарь уже готовился к свадьбе, но тут выяснилось, что король, надев платье принцессы, сбежал подземным ходом в тот самый Люксембург, а принцесса, переодевшись мальчиком, ушла в беспризорники.

Благородный рыцарь, который к тому времени уже стал королем, отдал приказ поймать всех беспризорников ко-

ролевства и отмыть их в бане, чтобы выяснить, кто из них мальчик, а кто девочка. Но беспризорников оказалось так много, что во всем королевстве не хватило угля, чтобы на-кипятить на них горячей воды.

Тогда благородный рыцарь вытащил из сортира за шиворот королевское войско и вместе с ним пошел воевать с немцами, чтобы отобрать у них немного угля. Но немцы повыскакивали из пивных и так отколотили деревянными кружками благородного рыцаря и его войско, что они бежали до самой Белоруссии, где и провалились в болото.

Войско тут же утонуло, зато благородный рыцарь нашел в болоте торф, которым тоже можно было топить баню.

Три года он выковыривал из болота торф и сушил его на солнце. Питался благородный рыцарь головастиками и комарами. А потом пришли небритые черкесы и забрали весь торф, чтобы топить свои бедные сакли.

Тогда благородный рыцарь вернулся в свое королевство и велел порубить на дрова всю дворцовую мебель. Но оказалось, что ещё три года назад это уже сделали крестьяне. Благородный рыцарь велел повесить всех крестьян, но в чулане нашлось только два метра веревки, на которой удалось повесить только кладовщика.

Тогда благородный рыцарь наконец задумался, нашел в тумбочке карандаш, кусок бумаги и написал письмо соседнему султану, предлагая дружить домами.

Султан, которому до этого писали только грубые запорожцы, очень обрадовался такому вежливому письму, присоединил королевство благородного рыцаря в качестве провинции и подарил ему свою жену, которую обещал бывший король.

Тогда благородный рыцарь написал султану ещё одно письмо, и, по его просьбе, в столице бывшего королевства построили мечеть, а бывшую церковь переделали в турец-

кие бани, в которых и отмыли, наконец-то, беспризорников, которые все до единого оказались мальчиками.

На этом история благородного рыцаря вполне могла бы и закончиться, но однажды повариха уронила за печку заколку, а когда попыталась её оттуда достать, кто-то укусил её за палец.

Повариху успокоили, пригласили пьяного дворника, и он достал кочергой из-за печки очень грязную прекрасную принцессу, которая, оказывается, жила там все эти годы.

Принцесса сначала искусила дворника, зато потом очень обрадовалась тому, что благородный рыцарь пообещал её накормить, если она выйдет за него замуж.

Её кое-как отмыли, причесали и посадили за свадебный стол.

Наконец-то благородный рыцарь добился своей цели.

А когда гости затопали ногами и закричали «горько», с потолка упала чугунная люстра и всех убила к чертовой матери.

На этом и закончилась история одного благородного рыцаря, который полюбил прекрасную принцессу.

1997

Бывшая сказка

В некотором царстве жила-была принцесса во дворце из чистого китайского фарфора.

Это, конечно, очень красиво, но неудобно. То горничная спросонья уронит горшок на пол, то папины дружки-герцоги напьются и расколотят целый флигель.

Зато соседи ужасно завидовали. А что ещё нужно для счастья?

Были ещё у принцессы папа-король и мама-королева.

Когда-то, очень-очень давно, королева тоже была принцессой, хотя, если бы я вам этого не сказал, вы бы ни за что не догадались. А король тогда был грустным трубочистом, во что уже и вовсе невозможно поверить. Королева зачем-то поцеловала этого трубочиста, чего до сих пор не может себе простить. Трубочист тут же превратился в короля, который оказался совершеннейшим негодяем.

Так королеве и надо. Нечего целоваться с кем попало.

Однако их сказка давно кончилась, а нас интересует только та принцесса, которая жила-была во дворце из чистого китайского фарфора.

У принцессы были замечательные серые глаза, и её просто невозможно было не полюбить.

Например, кузен-принц любил её с самого своего рождения, о чем и сообщал в стихах целыми километрами.

Только все это было напрасно. Как всем известно, настоящие принцессы любят только разбойников, трубочистов и свинопасов. А наша принцесса, уверяю вас, была самая настоящая.

Она предложила кузену дружить, но любой влюбленный скорее повесится, чем станет дружить со своей принцессой.

По-моему, это очень глупо. Но я и сам такой.

Мама-королева, уже знакомая со всеми этими трубочистами, приняла меры.

Всех разбойников в королевстве назначили дорожными инспекторами, а чтобы перевести трубочиста в кочегары, во дворце специально провели паровое отопление.

Свинопаса хотели было переименовать в животновода, но у него была такая суконная рожа, что ничего не вышло. Королева, когда его увидела, решила, что уж он-то никакой опасности не представляет. Она ведь была принцессой очень и очень давно.

Так он и остался свинопасом. А при правильном складе характера это лучшая в мире должность. Только не каждый на нее годится. Свиньи, хотя и не требуют к себе большого внимания, зато требуют уважения, а на свете не так много людей на это способных.

А наш свинопас очень даже годился на свою должность. Свинопасом, равно как и принцессой, нужно родиться. Тогда все очень просто.

Целыми днями он валялся на лугу и смотрел в высокое синее небо, а когда смотришь в синее небо, думается не о том, что на носу опять вскочил прыщ, а обо всяких больших и умных вещах. Поэтому все свинопасы — философы и лентяи, что, в общем-то, одно и то же. Нет, философских трактатов они не пишут, а жаль. Если хотя бы один лентяй написал философский трактат, то все те, кого ошибочно считают философами, лопнули бы от зависти. Но как только лентяй садится писать трактат, он тут же перестает им быть. Вот такая неразрешимая проблема.

Да. А однажды принцесса, у которой наступил самый опасный возраст, когда глаз за ней да глаз, убегая от кузена, гонявшегося за ней с новым стихотворением, перелезла через какой-то забор и оказалась на свинопасовом лугу.

Там она сначала с большим удивлением долго рассматривала свиней, а потом с еще большим удивлением — свинопаса. Ничего подобного она раньше не видела.

Свиньи повели себя на удивление вежливо, то есть притворились, что на принцессу им совершенно наплевать,

а свинопас, наоборот, повел себя как идиот и стал нарочито ковырять в носу. Почему? Да потому что у принцессы были такие замечательные серые глаза.

Через некоторое время принцесса выяснила, что свиньи разговаривать не умеют, а свинопас грубиян, но забавный. Она даже присела поболтать, и за это он рассказал ей совершенно нелепую историю про часы с кукушкой, которые у него, якобы, раньше были.

Кукушка в этих часах питалась только пельменями, от которых так растолстела, что перестала пролезать в окошко и кричала «ку», только если её тыкали вилкой. Часы поэтому сами не знали который час и от собственной ничемности сошли с ума, стали ходить задом наперед, и их пришлось отдать в сумасшедший дом, где они пришились очень кстати.

Вот такая история, а самое удивительное в ней то, что принцесса дослушала её до конца и осталась поболтать ещё немножко.

Так они и просидели до самого вечера, хотя о чем, казалось бы, им говорить?

Ну, со свинопасом-то все понятно. Он всю жизнь терпеть не мог царственных особ и старательно им грубил, опасаясь, что они заметят, какой он на самом деле умный, и назначат министром деревообрабатывающей промышленности. А тут он очень удивился, что принцесса совсем не царственная и вовсе не особа.

Ну, и серые глаза, конечно.

А что думала принцесса и почему она просидела на лугу до вечера, я не имею ни малейшего представления. Да и она, наверное, тоже. У принцесс в головах такая неразбериха.

А в королевстве, между тем, по поводу внезапного исчезновения принцессы случился большой переполох.

Король немедленно объявил чрезвычайное положение, круглосуточный комендантский час и расстрел на месте в алфавитном порядке. Кузен-принц сочинил невероятно трагическое стихотворение, которое, к счастью, безвозвратно погибло, совершенно закапанное слезами.

А потом посреди всего этого безобразия появилась принцесса и сообщила, что ходила дуть на одуванчики.

И все тут же успокоились. Принцессам положено иметь капризы.

Вот так и началась эта история. А что может быть лучше начала истории, когда ещё никто-никто не знает, что у нее обязательно наступит счастливый конец?

Принцесса стала каждый день ходить в гости к свинопасу, да и у него вдруг появились неотложные дела в дворцовой кухне. Удивительно — раньше они никогда не встречались, а тут стали сталкиваться нос к носу где попало по пятнадцать раз на дню.

Умный человек сразу подумал бы, что это неспроста. А свинопас просто по пятнадцать раз в день удивлялся. Философы, как правило, не очень хорошо разбираются в окружающей жизни.

А вообще, все шло как нельзя лучше. Мама-королева отбыла на воды, лечить застарелую ненависть к мужу, которую ошибочно принимала за мигрень, а папа-король впал от этого в такую радость, что запил горькую с каким-то безлошадным бароном.

Поэтому никто не мешал принцессе и свинопасу сидеть вечерами на фарфоровом крылечке и разговаривать ни о чем особенном. Принцесса уютно вышивала гобелен на патриотическую тему, а свинопас нес всякий бред и одновременно думал о том, любит он принцессу или это ему только кажется.

А однажды принцесса вдруг его поцеловала.

Дурак свинопас, которому даже не приходило в голову, что так бывает, совершенно растерялся и выпучил не очень выразительные глаза.

«Ну?» — сказала принцесса нетерпеливо.

«Что ну?» — с надеждой спросил свинопас, которому, в общем-то, понравилось.

«Ты собираешься превращаться в принца?»

Свинопас на всякий случай пощупал свой нос и глупо сказал: «А по-моему, я и так ничего».

Но принцесса больше ничего не сказала, свернула го-белен и ушла во дворец.

«Хоть бы дураком обозвала», — сидя на лугу, жаловался свинопас супоросой свинье. Теперь-то он точно знал, что любит принцессу, причем любовь как-то сразу оказалась несчастной.

«Нет, ты постой! — кричал он через два дня, гоняясь за несчастной свиньей, которой успел надоесть хуже горькой редьки. — Она чего думала? Она думала, я принц заколдованный. Что меня — чмок, и людям не стыдно показать. Пускай, вон, кузена своего целует, он ей за это стишок сочинит. А я себе и получше найду».

Врал свинопас.

Во-первых, ничего бы он с такой рожей не нашел. А во-вторых, и не хотел он лучше. Да и не бывает на свете ничего лучше вот этой самой принцессы. И свинопас, хоть и дурак, но все-таки философ, уже это понял.

Жаль только, что он так и не понял, почему обиделась принцесса.

А мне кажется, что все было бы нормально, если бы свинопас ну хотя бы попытался превратиться в прекрасного принца.

Тут все, как и заведено, пошло хуже некуда.

Вернулась королева, которой на водах до смерти надоели своими мандаринами какой-то южный диктатор, начался дождь, а с неба куда-то пропали все звезды.

Королева то ли учуяла что-то неладное, а может, кузен наябедничал, но свинопаса внезапно отправили в отпуск без какого-либо содержания на все четыре стороны. Принцесса совсем не появлялась, кузен ходил подозрительно довольный, дождь все шел и шел, а философия почему-то больше совсем не помогала.

Проболтавшись пару дней вокруг дворца в надежде случайно столкнуться с принцессой и все ей простить, свинопас, в конце концов, уехал в деревню к бабушке, где прочно улегся на печку и стал непрерывно думать о том, как ему наплевать на принцессу.

Бабушка, от старости лет впадшая в дремучий материализм, упорно пыталась вылечить душевные хворобы внука блинами и борщом. Наверное, она была права. Все, в конечном итоге, блинами с борщом и заканчивается.

Как ни странно, но эта история здесь тоже кончается. Можете назвать меня жуликом и сказать, что никакой сказки и не было.

Ну и зря. Сказка была. Только у нее есть такое правило — она продолжается ровно столько, сколько ей самой хочется. А потом хоть пятьдесят драконов в нее загони — все равно сторит только соседская кладовка.

Тоже, впрочем, неплохо.

Удивительно. Давным-давно эта сказка была очень длинной. в ней были другие персонажи, например, друг свинопаса кочегар, из которого не получилось трубочиста, но именно он в конце концов женился на принцессе. Была там малограмотная Избушка на курьих ножках, и даже Баба Яга иногда пролетала. в самом конце все были счастливы, кроме свинопаса, который пошел

с Избушкой в Индию, но заблудился и попал на Землю Франца-Иосифа.

Куда все подевались? и нет никакой Индии, а Землю Франца-Иосифа придумал обмороженный Амундсен.

И свинопас никуда не ушел. Вот он сидит за столом, хлебает борщ деревянной ложкой и думает о том, что, в сущности, тут и думать-то не о чем, но стоит хорошенько подумать, почему он все время об этом думает. Только не надо его спрашивать про серые глаза. Он очень удивится.

Да. Совершенно заброшенный автором, свинопас застрял в какой-то щели повествования, в которой тот же самый автор забыл пустить время и образовать хоть какое-нибудь окружающее пространство.

Ну и шут с ним, со свинопасом. Тоже мне сказочный герой нашелся.

Но принцесса? Куда вы дели принцессу, я вас спрашиваю?

Да ладно, это я так. Извините.

Кричать на читателя ещё глупее, чем делать из него человека. Я вам не Лев Толстой какой-нибудь.

Я лучше пойду к свинопасу. Он, хоть и дурак, но вылитый я в молодости. Вдруг он по ошибке придумал что-нибудь путное по поводу того, о чем и думать-то нечего?

1986-1987, 1997

Сказка старого короля

Однажды оказывается, что все на свете кончается.

В самом начале в это совершенно невозможно поверить. Да вы что, смеетесь? Какой конец?

Вот сидит новенькая принцесса без единой трещинки, и еще совершенно никому неизвестно, что это у нее не талия, а просто удачно затянутый корсет.

Когда вы это будете знать с самого начала... да нет, это ещё не обязательно старость. Это кончилась молодость.

Просто я занялся не своим делом.

Вот, например, премьер-министр. Он приносит мне списки бунтовщиков, которых нужно немедленно казнить, и просит подписать.

Я его спрашиваю: «А зачем их казнить?» Он смотрит на меня как на идиота: «Для порядку в стране и всеобщего благоденствия, Ваше Величество».

«Всеобщего благоденствия... Нет, ты скажи, тебе лично от этого легче будет?»

«Конечно, — отвечает, — если стране хорошо, то и мне тоже».

«Ну, тогда и казни их сам, если тебе это нужно, — говорю я и отодвигаю ему приговор. — Я-то тут при чем?»

Но что-то он своей башкой думает. Не знаю уж, про страшный суд или ещё что-то, но начинает он, конечно же, трясти щеками с указательным пальцем и пихать приговор обратно в мою сторону.

Они меня кормят и одевают, чтобы сваливать на меня все свои гадости.

Ая когда-то просто любил принцессу. Тогда я ещё не знал, что это значит так много. Нет, я, конечно, все знал про любовь и ненависть, про жизнь и смерть, про свет и тьму. Но оказалось, что между ними располагается огромное количество совершенно неизвестных мне обязанностей, подлостей, предметов, понятий, причин и следствий, правил и законов, кошек и мышек, жучек и внушек. Откуда они повылезли? И где прятались раньше?

Генерал приперся. Скучно ему. Вообще-то нет, не скучно. Он боится, что я его должность упраздню за ненадобность. А впрочем, не так уж и боится. Он тогда устроит военный переворот и введет хунту. Только ему этого пока не хочется. Он любит просить у меня гречневой крупы для солдатиков. А если он станет диктатором, то у кого её просить?

Но, поскольку нам никто не угрожает, хоть их режь, он постоянно придумывает всякие опасности отечеству.

«Ваше Величество, — рапортует, — по данным Генштаба, в окрестностях деревни Завалинки обнаружен дракон огнедышащий, который требует трех девиц непорочных с целью их пожирания. Или вступления с ними в брак, по другим источникам. Предлагается послать для искоренения оного два батальона в асбестовом обмундировании с огнетушителями».

«Ну, так посылайте», — говорю.

«Никак невозможно, Ваше Величество, кладовщик огнетушителей без Вашего приказа не дает, потому что пропил».

«Слушай, — говорю я, подписывая приказ кладовщику, — а как ваш дракон определяет — порочную девицу ему прислали или нет? Может, его сначала допросить, чтобы поделился, а потом уже огнетушителями?»

«Так точно, Ваше Величество, допросим!» Он сейчас на все согласен. Скучно ему. Теперь зато пойдет к кладовщику, будет орать, грозить саблей, пинать его в тощий зад сияющим сапогом...

А смешно было бы, если и правда дракон. Пойти бы в лес, найти избушку на курьих ножках... Старуха бы чего-нибудь присоветовала, если жива еще.

Да ладно, сиди уж, дурак старый. с драконами воевать — стимул нужен. А скука — какой это стимул?

Сожрет, и правильно сделает. Да и старуха разговаривать не станет. Что-то она тоже себе думает.

Министры все воры. Я их понимаю, я бы тоже воровал, пока есть чего. Королевство наше ещё живое только потому, что руки у соседей не доходят. Они там Америку какую-то делят. А как поделят, так и про нас вспомнят. Да и соседку нашего, Шыша Осьмнадцатого, не забудут. Он по пятницам жену свою колотит из государственных, как уверяет, соображений. За две границы слышать.

Мой генерал все предлагает его завоевать. Завоевать-то можно, он и не заметит. Так ведь солдатики пойдут за яичками мародерствовать, девок крестьянских за груди лапать. Крестьяне разобидятся, да ну их...

Нет, не гожусь я в Александры Великие. И профиль мой никаких монет украшать не будет. Оно и к лучшему — совсем негодный у меня профиль, честно сказать.

Министр внутренних дел на прием просится. Также, небось, про дракона рассказывать. Подождет.

Кладовщик тоже фрукт. Воруется-ворует, а сам худой как Кащей, на колене солидол, из подмышки пакля. Никто его ни разу в жизни трезвым не видел, но и не спит он никогда. Сидит он в своей кладовой и желтыми глазами тьму освещает. И все слышит, что в мире происходит. Как постное масло мешки с сахаром заливает, как крыса свечку жуёт, как гриб растёт и как скользкие гады сами по себе в муке заводятся.

И верует он свято, что все превзошел, все понял, что все пыль и плесень, и пожрут нас всех, в конце концов, тараканы да мокрицы.

Страшная у него работа. Пусть пьёт.

Прошлый кладовщик тоже постигал. И ведь постиг, сукин сын. Открылись ему тайные пропорции и суть вещей,

отчего крупу он стал отмерять в аршинах, а сукно в поллитрах. Пытались мы его отговорить, да где там... Смотрит он на нас и жалеет, непросветленных. Пришлось прогнать.

Воровать вору, а пространство нам не запутывай, мы и сами заблудимся.

Вон мой генерал опять пылит по плацу, аж галифе вспоте-ли. Лица на нем никогда не было, но сейчас и рожа красная куда-то пропала. «Ваше Величество, — пыхтит, — солдатики не вернулись. Сгинули».

Вот это да... Может, и правда дракон. Или солдатики просто реквизируют самогон у какого-нибудь крестьянина и протирают амуницию, с них станется.

Жалко генерала, если их действительно дракон пожрал. Он и правда отец солдатам. Столько времени потратил, чтобы из крестьянских остолопов сделать регулярное войско. Выбивал из моих полоумных кладовщиков кальсоны, сапоги, полевые кухни, жестяные миски.

И ведь сделал. Не отличишь, как настоящие. Воевать они, конечно, не пробовали, но во фронт и за отечество — не хуже пруссаков.

Как там, интересно, Её Величество поживает? Когда же мы виделись в последний раз?

В эпоху беспрерывных скандалов мал был нам этот дворец, куда ни ткнёшься — везде королева с ледяной спиной. Куда она ни пойдет — а там я с кирпичной рожей. А нынче что уже выяснять? Всё давно понятно и ей, и мне.

Где-то она живет, что-то думает. Исчезает куда-то, потом кивает, проходя мимо по неизвестным своим делам.

Совершенно прозевал я тот момент, когда стал говорить одни глупости и подлости, когда походка моя стала дурацкой и пахнуть я стал чем-то невкусным. Прозевал. На кого обижаться?

Всё время я от нее отстаю. Сначала любила она так, что хоть солнце не всходи, зато и ненавидела потом до того, что в одной кровати спать страшно. Права она — пресный я человек. Никакого порыва. Ни тебе на белом коне, ни в набежавшую волну... Сейчас ей уже все равно.

Я устал от нелюбви. Никого ни к кому.

Министра внутренних дел я боюсь. У него нет ни одной иллюзии. Это бы ничего, но он и у меня их отнять хочет. Как только он открывает рот, я не очень удачно изображаю из себя солдафона-самодура. «Как докладываешь, мерзавец! — ору. — Пшел вон, десять кругов по плацу строевым шагом!» Он присылает мне отчеты, а я их не читаю никогда.

Очень я дорожу своими иллюзиями. Мне без них смерть. И так уже все старые, прочные, порастащили, а новые заводить, ох, как сложно в мои-то годы. Растут кое-как, вялые, полупрозрачные.

Я бы этого министра давно прогнал, но боюсь. Не знаю, что там ему про меня известно. А пуще того боюсь, что он про меня знает то, чего я и сам про себя не знаю.

Но сейчас придется с ним разговаривать.

«Ваше Величество, дракон настоящий. Хотя, конечно, ни на каких девицах он жениться не собирается. Занимается, в основном, поджогом озимой пшеницы и пожиранием коров и мелких домашних животных. Басня про девиц распущена старостой деревни. По моим сведениям, на почве отвергнутых притязаний к одной этих самых девиц».

Черт бы тебя подрал. Все-то ты знаешь. И если сказал, что дракон есть, то он есть.

Скверно.

«А может, ему кошку отравленную подбросить?» — спрашиваю безо всякой надежды.

«По моим сведениям...» —снисходительно начинает супостат. «Пшел вон! —ору. —Почему воротничок не подшит? Где ремень, мать твою?»

Как будто я сам не знаю, что даже в слона столько крысиного яда не влезет, чтобы этого дракона хотя бы понос прохватил.

От генерала толку нет. Он будет рисовать кроки, утыкает карту синими флажками, его солдаты будут кукукать в зарослях, брать языков, он их всех отправит на гауптвахту, сам туда сядет, но больше ни одного солдата он на дракона не отправит. И правильно сделает.

По уставу главнокомандующим этой богадельни являюсь я. Но солдаты меня не уважают. Я не умею ласково ткнуть их кулаком в пузо и спросить, хорошо ли кормят.

Они со мной никуда не пойдут.

Как не вовремя... В голове мутно, хоть бы просвет какой, туман один. Никак не додумать цепочку вытекающих друг из друга предложений —рвется. Может, обойдется? Рассосется как-нибудь, а тут и я в доспехах, со ржавым мечом. «Ваше Величество, не нужно уже —издох аспид...» и домой, домой —улыбаться в бороду, как смешно все с этим драконом вышло.

Сижу я с пустыми глазами и думаю, думаю... Надо идти. Как-то получилось, что кроме меня некому. Я бы с удовольствием все свалил на кого угодно. Но никого невозможно найти.

Господи, они столько лет не давали мне побыть одному, подумать, что-то решить и бросить, наконец, это дурацкое королевство. И теперь, когда я, замученный и высосанный их проблемами, болезнями, сплетнями, хихиканьем за спиной, еле волочу ноги, меня, наконец, оставили в покое.

Я пойду. Конечно же, пойду. с дурацким мечом и без героического профиля. Я плохой, но добросовестный король. И очень боюсь, что и я тоже перестану себя уважать.

Сожрет меня этот дракон. Это вам не Змей Горыныч с именем-отчеством, со своими, пусть неправильными, но мыслями об этой жизни. Выходи, чудище-поганище, биться будем...

Может, по дороге что-нибудь придумается? Опасность близка, кровь взволнуется, голова прояснится.

Обязательно прояснится, а то плохи мои дела.

Дракон, по последним донесениям, сжег Завалинку дотла. Хотя староста, сволочь, скормил ему все-таки трех девиц. с согласия деревенского схода.

Старосту повесить. Остальным — Бог судья.

Министра внутренних дел — в три шеи, за границу, к чертовой матери. Ненавижу непьющих кристально чистых людей. Наделает он тут делов без меня.

Генералу — орден, я ему ещё на Пасху обещал, да забыл. Солдатам — водки сколько выпьют и навечно запретить крючок на воротничке застегивать.

Извините, дорогой читатель. Сказка только начинается, а я уже ухожу. Я пишу последние строки, сняв глупую железную перчатку, которой только орехи колоть хорошо.

Если вернусь, обязательно расскажу, как там получилось с этим драконом, и тогда слово «конец» стоять будет гораздо дальше от этого места.

Осталось самое трудное.

Дочке обещал написать длинное смешное письмо.

Я её люблю. Когда у неё начался переходный возраст, я взял на заметку всех юных разбойников, обдирающих

яблони в королевском саду, и всех мало-мальски заметных дураков, уличенных в созерцательности.

Я был готов ко всему. к нищим, злодеям, поэтам и мусорщикам. Но её нынешний муж застал меня врасплох. Этого с детства плешивого выпрямителя кривых линий я не ждал.

И в собственной дочке я тоже ничего не понимаю, хотя знаю её гораздо лучше, чем всех остальных женщин этого мира.

Впрочем, похоже, как-то она там устроилась, в его чуждом замке с сосисками и кислой капустой.

Я всегда за неё боялся. Женщине для счастья нужно быть круглой душой с большими голубыми глазами.

И, наконец, Её Величество...

«Я уйду, — говорю я, надеясь неизвестно на что. — Воевать с драконом».

Королева пожимает плечами. Если я сейчас подпрыгну к потолку и рассыплюсь на три миллиона разноцветных шариков, она пожмет плечами ещё раз. Поздно. Никакие драконы здесь уже не помогут.

Вот и все. Я выполнил все обещания, о которых сумел вспомнить.

Осталось последнее. Выполняю.

— Сочини мне сказку, милый, — попросила меня королева давным-давно. — и чтобы она обязательно заканчивалась «вот так они и жили».

Жили-были глупый король и красавица королева. Жили они душа в душу тридцать лет и три года. Ушел однажды король воевать с драконом и не вернулся. Это было бы грустно, да, к счастью, никто этого не заметил.

Вот так они и жили...

К о н е ц

Вот такая история

Городки

Отправил однажды царь Ленина в село Шушенское, чтобы он там над жизнью своей задумался.

Скучно было Ленину в селе Шушенском.

Сначала он стал крестьян агитировать, чтобы они картошку в огороде назло царю не сажали, а те послушают, головами покивают, да и пойдут огороды копать. Темнота, одно слово.

Книжки, которые Ленин с собой привез, он мало того что по три раза прочитал, так ещё все до единой сам и написал.

Рояль ему царь не позволил с собой взять, потому что сам Ленин умел только чижик-пыжик одним пальцем играть, а пианиста, его-то за что в Сибирь? Пианистам, им про жизнь свою думать не нужно, а то они сразу играть разучатся.

Ходил Ленин, бродил из угла в угол. Книжки новые писать комары не дают. Хотел он уже запить со скуки, даже самогону у крестьян накупил, но тут как раз приехали к нему в гости Сталин с Троцким. Они тогда друзья ещё были.

Обрадовался Ленин, накормил их хлебными чернильницами, хотя у него и нормальных было пруд-пруди, и напоил молоком, которым царю анонимки писал.

Поговорили они про дела, про знакомых, а потом Ленин и говорит: «Пойдемте, дгузья, в гододки игать».

«Это что — пальки кидать?» — пошутил Сталин. Он уже тогда грубый был.

Стали они в городки играть, только ничего у них не выходит. Никак они в фигуру попасть не могут, хоть лопни.

Тогда Ленин предложил кидать кто дальше.

Кинул Сталин палку — убил курицу во дворе у попады. Притащил её за ноги: «Вах!», — говорит и усы поглаживает.

Кинул Троцкий палку — набил шишку свинье во дворе у старосты. «Зачем, таки, свинья? — кричит. — Зачем не курочка?»

Тут и Ленин закрутился, развернулся да ка-ак кинет! Улетела палка в черный лес. Три часа её там искали, потому что Ленин очень хотел эту палку для музея сохранить, будто бы он с ней по грибы ходил. Искали-искали, в грязи все перемазались с ног до головы, потом махнули рукой и домой пошли, самогон допивать.

Вдруг слышат — топочет кто-то сзади. Оглядываются — батюшки-светы, а там лягушка пудов на шесть. Палку в зубах держит и на Ленина так преданно-преданно смотрит глазами своими выпученными.

Обрадовался Ленин, забрал у лягушки палку, и пошли они дальше. Только слышат — лягушка за ними по пыли шлепает. Хотел было Ленин её палкой треснуть, но передумал — больно уж у нее зубы были страшные. Так до самого дома и дошлепали.

Да. А утром Сталин с Троцким стали в путь собираться. Сталин — в Туруханск, он, вообще-то, к Ленину по пути за-

ехал, его царь тоже в ссылку отправил. Троцкий как на себя с утра в зеркало посмотрел, так решил начать новую жизнь. «Поеду, — говорит, — выучусь, таки, на гинеколога, как папаша завещал. Буду по темной Руси абортоты распространять».

А Ленин так и остался жить с лягушкой. Она сидела в углу и преданно дышала. в первый же день она съела всех комаров в селе Шушенском, и тогда Ленин стал писать роман «Что делать?». Напишет страничку и лягушке прочитает. А та слушает и головой кивает. Комара проглотит и дальше слушает. Хорошо они зажили.

Тут и Пасха наступила.

Разговелся царь утречком, яичком от Фаберже закусил и спрашивает главного полицмейстера, как, мол, там Ленин? Угомонился?

«Угомонился, батюшка, — отвечает полицмейстер. — Лягушку себе завел ученую».

«Лягушка — это ничего, — говорит царь. — Лягушка — это вам не крокодил. Ну что ж, Христос воскресе, отпустите-ка вы Ленина на все четыре стороны. Пускай заведет себе шарманку, да и бродит по Руси со своей лягушкой. Может, кто копеечку и подаст».

И ещё рюмочку выпил.

Вот так и стал Ленин бродить по Руси с шарманкой и лягушкой. Только зря полицмейстер подумал, что он угомонился.

Придет, бывало, Ленин на фабрику в понедельник, станет у проходной и шарманку крутит. Та играет «Боже, царя храни», а Ленин другое тянет: «Почему рабочему с утра похмелиться не на что, а у фабриканта Смирнова — водки сто миллионов бутылок?».

И рабочие, которые собрались на дивную лягушку поглазеть, тут же задумаются. И в самом деле — почему? Почему не наоборот? Очень это рабочим обидно.

Донесли это дело царю. Тот рассердился, даже студень у него на вилке задрожал: «Гнать! — кричит. — Гнать его в три шеи из России! Пускай французам свои песни поет».

Отвел тогда главный полицмейстер Ленина с лягушкой на границу, перекрестил его три раза и сказал: «Ну, ступай с Богом, пропащая твоя душа».

Стал Ленин жить за границей. Скоро к нему опять приехал Сталин. Его из Туруханска выгнали за то, что он ко всем женщинам приставал, жениться обещал.

Потом и Троцкий приехал. Его тоже выгнали. Он сделал какой-то гимназистке аборт, а она, как показало вскрытие, была даже не беременная.

Сидели они как-то втроем в Лондоне. Сыро, скучно, по-английски ничего не понятно. Придумали тогда съезд собрать — поговорить о том, о сем, посмотреть, у кого женщины лучше... Разослали всем телеграммы, стали ответа ждать.

Скоро стали приходить ответы целыми мешками. Отозвались все — большевики, меньшевики, бундовцы, эсеры...

Отказали только одному — какому-то художнику Шиккльгруберу из Мюнхена. «Знаю я этого Шиккльгрубера, — стал кричать Троцкий. — У меня сосед был Шиккльгрубер. Так он у меня насос у велосипеда украл». Так и не позвали его. А остальные стали срочно готовиться к съезду.

Ленин тут же побежал на почтамт давать телеграмму Инессе Арманд.

А на следующий день приходит ему из Парижа ответ: «Арманд выбыла философом».

Может быть, это консьержка в отеле что-то напутала, но Ленин потом уже, после революции, наловил разных

философов полную баржу и отправил в море без руля и парусов.

Пришел Ленин домой, сидит, переживает. Не ест, не пьет, только из бороды волоски выдергивает и внимательно рассматривает. «Это же надо, — думает, — так перед всеми марксистами опозориться».

Как вдруг лягушка говорит человеческим голосом: «Не горюй, Ленин!»

Тот чуть со стула не упал. «Вот это да, — думает. — Вот вам и материализм с эмпириокритицизмом!»

А лягушка пока дальше разговаривает: «Ты вот чего, Ленин. Иди завтра на съезд как ни в чем не бывало. А как услышишь гром да стук, скажи — это, мол, моя лягушонка в коробчонке скачет. А за это можно я вас Ильичом звать стану?»

«Отчего же, — говорит Ленин (он уже очухался слегка), — Ильич тоже очень даже неплохо».

На том и порешили.

Пришел Ленин на следующий день на съезд, а там марксисты женщин навели — не продохнуть. Худых, толстых, страшных и не очень. Троцкий привел брюнетку с извилистым носом. Посмотришь на нее — и сразу видно, что в постели очень хороша, если помолчит пять минут. А Сталин — нет, Сталин блондинку где-то нашел, настоящую.

Один Ленин обе руки в жилетные карманы засунул и хитро улыбается. Марксисты над ним смеются, пальцем показывают, а он хоть бы что.

Начали съезд. Повестку дня какую-то придумали, хотели даже за что-нибудь проголосовать для смеху, как вдруг раздается страшный грохот. Стенка трещит, марксисты с мест повскакивали: «Что? Что такое?» — кричат.

А Ленин им с улыбочкой: «Да это моя лягушонка в коробчонке скачет».

Тут стенка рухнула, и заезжает прямо в съезд броневик. Еле успели Плеханова с бабой из-под колес вытащить. И такая тишина на съезде установилась, что стало слышно, как у какого-то бундовца в животе маца бурчит.

Тогда у броневика со страшным скрипом отвинчивается люк, и вылезает оттуда девица. Ничего себе девица, справная, только лицом очень на лягушку похожа, и глаза выпученные во все стороны поворачиваются. «А вот и я, Ильич», — говорит.

Марксисты, которые ещё сидели, все со стульев упали, которые стояли — те пополам согнулись, а Ленин залез под президиум и быстро-быстро крестится, хотя неверующий.

Хорошо хоть Сталин вмешался. У него на Ленина свои виды были. Так что он достал ножик из-за пазухи и стал ногти подравнивать, а сам ласково так на марксистов смотрит.

Те тут же с полу поднялись, Ленин вылез из-под президиума и притворился, будто он там тезисы искал. «Ну что же, — говорит, — дгузья, вот пгибыл к нам товагищ. Какие будут пгедложения?»

Только все как на девицу посмотрят, так всякие предложения у них пропадают.

«Дэвушка, — говорит, наконец, Сталин, — ты партыйная?»

«Не-ет», — отвечает девица и хочет глаза потупить. Только они у нее не тупятся никак.

«Как? — начинают кричать марксисты. — А вдруг она царской охранкой подосланная?»

«Тише, дгузья, — говорит Ленин. — А мы её сейчас в пагтию пгимем и запишем как делегата от села Шушенское.»

Достал Троцкий из портфеля бланк и стал на девицу анкету заполнять.

«Имя?» —спрашивает.

«Надюша, —отвечает девица. — Меня так папаша звал».

«А папашу вашего как звали?» —спрашивает Троцкий.

«Да ну вас!» —зарделась девица.

«Не надо, не надо про папашу», —вмешался Ленин.

«Контантын, —говорит Сталин. —Харошее имя. Кназь у нас такой бил.»

«А фамилию какую писать будем?» —опять интересуется Троцкий.

«Комаговская, —отвечает Ленин. —Комагов она очень хогошо жгет!»

Все марксисты с испугом посмотрели на девицу. А та ничего, стоит, глазами лупает, хоть бы ей что.

«Почему Комаровская? —начинает тут кричать Троцкий. —У меня сосед был Комаровский, так он мне, таки, три рубля и не отдал!»

«Ну, тогда пусть будет Кгупская, —говорит Ленин. —Кгупу пегловую она тоже здогово жгет, не напасешься».

—Крупская... Крупская... —задумчиво говорит Троцкий. —Ну ладно, пусть будет Крупская.

Вот так и приняли в партию большевиков Надежду Константиновну Крупскую и сразу же записали Ленину в супруги, для воспитания в марксистском духе.

И стал Ленин с ней жить по-прежнему, как раньше с лягушкой жил, только хуже.

Страничку напишет —и ей прочитает. А та в кровати ворочается, пружинами скрипит: «Вы бы поберегли себя, Ильич. Все пишете и пишете».

Ленин только голову в плечи вжимает. «Надо революцию поскорее делать, — думает. —Лучше сразу мировую. Я тогда к Розе Люксембург убегу. Или к Кларе Цеткин.» Повернется украдкой —а Крупская уже рукой машет.

И снова Ленин хватает какую-то бумажку и пишет, пишет, пишет...

Всю ночь горит окошко в его квартире. Только под утро Ленин засыпает прямо за столом и все бормочет: «Геволуция... геволуция...»

Вот такие городки.

1994

Язык

У Ленина был очень длинный язык.

Например, он запросто мог облизать им свой левый глаз. А правый — не мог. От этого он у него всегда гноился и был хитро прищуренный.

Однажды Ленин страшно удивил ходоков, вылизав за три минуты полный туесок красной икры. Ходоки, конечно, раззвонили бы об этом на всю Россию, но хорошо, что Дзержинский вызвался их проводить до ворот Спасской башни, да и расстрелял по дороге.

Подул он в дуло маузера, вздохнул тяжело, да и пошел, нехорошо кашляя, на квартиру. А шинелька на ветру развевается...

Своим языком Ленин доводил Надежду Константиновну Крупскую до полного иступления.

Сядут они, бывало, чай пить. Надежда Константиновна только блюдечко себе нальет и мизинчик оттопырит, а тут Ленин хватъ языком кусок рафинада прямо из сахарницы! Надежда Константиновна тут же поперхнется, юбку зеленую чаем обольет и смотрит укоризненно. А Ленин — хоть бы хны, оба больших пальца в подмышки засунет, и лицо

специально еврейское сделает. Попробуй ему слово скажи. Он в ответ —десять. Чистый Карл Маркс, даже хуже.

А однажды из-за этого языка случилось с эсеркой Фанни Каплан несчастье.

Ленин как раз говорил речь на Путиловском заводе, а тут ему муха на плечо села. Ленин как кепкой махал, так даже головы не повернул —слизнул муху и дальше про продразверстку картавит. Никто, кроме Фанни Каплан, даже и не заметил ничего. А она как это увидела, так ей тут же что-то свое, женское, пригрезилось. Растолкала она кое-как слесарей, и ушла тошнить возле забора.

Три месяца её после этого тошнило беспрерывно, и наконец-то додумалась она пойти к доктору. А доктор на очки подышал и говорит, мол, поздравляю вас, голубушка. Ну, женщины, они хорошо знают, с чем их все любят поздравлять. «Как! — кричит Каплан. —Не может быть! Да я бы с удовольствием, но точно знаю, что не может!»

А доктор смотрит и головой понимающе кивает. Докторов, их попробуй удиви. Они не таких видали.

Но, в общем, так или иначе, все равно уже поздно что-то предпринимать.

Ну, делать нечего, посидела Каплан у себя на чердаке, кутаясь в пальтишко, а потом проснулась однажды ночью, а на груди у ней сидит крыса и губы ей ласково облизывает.

У Каплан тут же всю тошноту как рукой сняло. Встала она с кровати, чутунным шагом к столу подошла и Ленину письмо написала. Так, мол, и так, по поводу крупного теоретика Каутского, Вы очень погорячились, когда назвали его проституткой. Кроме того, я от Вас беременна. с уважением, Фанни Каплан.

Заклеила она это письмо в самодельный конверт и бросила в ящик. Вернулась домой, и стала сидеть неподвижно.

Когда женщина так сидит, то лучше не надо. Лучше уж как-нибудь отхлестать по щекам министра продовольствия Цурюпу, который вечно в голодном обмороке валяется, и уговорить его дать этой женщине усиленный паек. И молиться, потому что все равно не поможет.

Только Ленин этого письма так и не получил. Оно попало к Сталину, который как раз к нему в секретари напросился. Он сидел себе в приемной, пел грустные грузинские песни про ласточку и носил Ленину в кабинет пустой чай, без сахара, но подозрительно чем-то вонючий. И Ленин, который и раньше не очень-то был молодец, от этого чаю совсем сбрендил.

Выскочит, бывало, среди ночи на улицу, наловит беспризорников на калач с маком, приведет в Кремль, пыльную елку из чулана вытащит и давай вокруг нее плясать!

Беспризорникам неудобно, им покурить хочется, а Ленин натащит грязных тарелок из кремлевской столовой и устраивает соревнование, кто их быстрее оближет досуха.

А Сталин это письмо пустил на самокрутки. Вообще-то, больше всего он любил курить папиросы «Герцеговина Флор», но у него тогда на них денег не хватало. Он поэтому в секретари-то и подался, думал наворовать чего-нибудь получится. Но у Ленина, что своруешь? От пайка он отказался, а то, что ходоки носили, он тут же и лопал, даже ложку сроду не попросит.

Ну, вы-то, конечно, знаете, что там дальше Фанни Каплан учудила по этому поводу.

А я не знаю. Знаю только, что однажды к ней на чердак пришли семь матросов и ударили её рукояткой маузера по

лицу. Нет-нет, они её даже насиловать не стали. Что, вы думаете, матросу изнасиловать больше некого?

А Ленин умер вскоре. И никто не знает, от чего он умер на самом деле.

Сам академик Боткин его резал, но только руками развел. Гвозди бы делать из этих людей, сказал.

Я и правда не знаю, от чего умер Ленин.

Царствие ему небесное.

1999

Ботинки

Мой дедушка был первоцелинник.

Даже хуже того — когда мой дедушка уже был первоцелинник, тогда ещё и целины никакой не было.

Жил он тогда в землянке посреди пустой степи. Сидел целый день на камушке, курил самосад и дым в желтые усы выпускал.

Иногда мимо проходил путник с граммофоном и рассказывал моему деду про то, что на свете творится.

А однажды мой дед проснулся рано утром, вышел на камушек покурить — а ему, оказывается, кто-то ночью красный флаг в землянку воткнул.

Дед на флаг посмотрел и крепко задумался — неспроста это. Не иначе как сам Ленин мимо проезжать будет. А то какой резон посреди пустой степи красный флаг втыкать?

Помыл мой дед портки, закурил и сел на камушек Ленина ждать. А тот все не едет.

Уже потом путник с граммофоном рассказал деду, что Ленина какая-то женщина из пистолета застрелила.

Живет дед дальше. в колхоз, правда, не вступает, но и за Колчака не воюет.

Только однажды просыпается дед ни свет ни заря от страшного шума. Выскакивает из землянки — мать честна! Кто-то за ночь ему перед землянкой столб вкопал и тарелку черную повесил. И орет эта тарелка страшным голосом что-то про коллективизацию.

Э-э-э, думает дед, неспроста эта тарелка тут орет. Не иначе как сам Сталин мимо поедет.

Помыл дед портки во второй раз, закурил и сел на камушек Сталина ждать.

Только и Сталин никак не едет. А прохожий с граммофоном тоже куда-то пропал.

Уже потом та самая тарелка рассказала деду, что Сталин очень сильно занят — у него война с Гитлером. Да и за Берией глаз да глаз, потому что он оказался шпион.

Хотя непонятно — кому такой шпион нужен, от которого все собаки на улице шарахаются. Шпион, он должен быть добрый и вежливый, как Штирлиц.

А дед живет себе дальше. Никого не ждет, только курит и на солнце щурится.

Но просыпается он однажды утром, выходит, а там и вовсе что-то несусветное стоит — плевательница.

Нет, думает дед, не могут они просто так посреди степи плевательницу поставить. Если уж и на этот раз Хрущев не приедет, тогда я не знаю.

Помыл дед портки в последний раз и сел Хрущева ждать.

Портки ещё и высохнуть не успели, а по степи уже автомобиль пылит. И в нем Хрущев едет. Сам внутри, а ноги в ботинках наружу высунул.

А дело было вот как.

Как раз перед этим Хрущев ездил в Америку. А там на каком-то собрании ему американцы что-то поперек возьм-ми да брякни.

Хрущев, он мужчина, конечно, веселый был. Он даже, когда у Сталина на столе плясал, тому, шутки ради, в суп-харчо сапогом наступил. Ну, Сталин тоже пошутить лю-бил. Хрущев тогда ещё кудрявый был, так Сталин велел Берии у него все волосы на голове специальной машинкой выщипать, которую Курчатов изобрел, чтобы у бериевой любовницы волосы на ногах не росли.

Между прочим, Сталин это нарочно сделал. Он рань-ше никак фамилию Хрущева выговорить не мог. А тут он просто стал говорить: «А падат суда пиляд Лисова». И всем сразу было все понятно.

Но на этот раз Хрущев сильно осерчал. Снял с ноги боти-нок и стал им на американцев по столу стучать. А потом выпил стакан водки и пошел домой.

Только по дороге смотрит —носок с левой ноги наполо-вину снялся и по лужам шлепает. Ботинок-то он так и не надел обратно.

Побежал Хрущев назад —да где там! Американцы его ботинок уже в музей утащили, положили в стеклянный ящик и сирену подключили. Очень уж их Хрущев своим ботинком удивил.

Кое-как добрался он до гостиницы. Сидит, горюет. Как до-мой в одном ботинке ехать?

А потом как хлопнет себя по лбу! Мать-перемать, кри-чит, зачем же за мной Громыка полный чемодан амери-канских денег возит!

Позвал он поскорее Громыку. И Сулова тоже позвал, на всякий случай. Так, говорит, вот вам пять минут, чтоб были здесь новые ботинки и бутылка водки.

Схватили Громыка с Суловым чемодан и побежали в магазин. Ботинки купили, а водки тогда в Америке ещё на каждом углу не продавали. Одни виски. Идут они обратно, от страха трясутся. Сейчас, думают, их Хрущев из партии исключит.

Только тот, как ботинки увидел, так чуть про водку не забыл. Да таких ботинок, говорит, даже у товарища Сталина не было. А водка, я знаю, у Подгорного в чемодане зашита.

Ботинки и правда знатные были. Желтые, и подметка со шмат сала толщиной. Хрущев их тут же на себя надел, да так больше и не снимал никогда.

Да. А когда они вернулись домой, стал Хрущев думать, как бы эти ботинки всему советскому народу показать. Брежнев тогда ещё молодой был, соображал чуть-чуть, так он Хрущеву и посоветовал — вы, говорит, Никита Сергеич, поезжайте по всей стране, вроде как посмотреть — когда там коммунизм? а по дороге всем свои ботинки и покажете.

Хрущеву этот совет очень сильно понравился. Дал он Брежневу орден и поехал по стране разъезжать.

Только вот беда — куда он ни приедет, все в рот ему заглядывают, а на ботинки даже не взглянут. Хрущев и так, и эдак — и плюнет на ботинок, и рукавом потрет. Ничего не помогает — строчат в блокноты и про коммунизм вопросы задают.

Вернулся Хрущев в Кремль чернее тучи, отобрал у Брежнева орден и стал водку пить. Выпьет бутылку, посмотрит на ботинки и плачет.

Вдруг приглашают его на выставку. А там поэт какой-то модный суетится. И ботинки у него точь-в-точь, как у Хрущева, только подошва даже ещё толще.

Хорошо бульдозер рядом стоял. Хрущев махнул водителю — давай, мол. Тот всю выставку и задавил. Один

только художник из-под гусениц как-то выбрался и в Америку сбежал, но его даже фамилия неизвестная.

А однажды звонит Хрущев Косыгину в три часа ночи и говорит, бери, мол, подштанники, машину, ящик водки и заезжай за мной. Косыгин спросонья ничего понять не может —какие такие подштанники? Разбаловал их Хрущев. При Сталине все, небось, знали, какие подштанники в три часа ночи бывают.

Ну, какая никакая партийная дисциплина ещё была, поэтому через пять минут подъехал Косыгин на машине к Хрущеву. Тот кое-как выполз, в машину уселся, ботинки наружу выставил. Поехали, говорит, через всю страну на Камчатку. И заснул тут же.

Долго они ехали. Хрущеву-то что? Он водки выпьет и спит. Глаз иногда откроет —что, говорит, никак уже Чебоксары? Про ботинки никто не спрашивал? Нет, говорит Косыгин. А про то, что он специально самыми глухими дорогами едет, чтобы никто их не увидел, молчит. Вздохнет Хрущев, опять водки выпьет и дальше спит.

А однажды смотрят —стоит посреди пустой степи землянка, а перед ней на камушке курит дед в мокрых портках.

Здорово, парнишка, —говорит дед Хрущеву, —где же это ты такие ботинки добрые купил? Не иначе, немецкие?»

Заплакал Хрущев, расцеловал моего деда в усы и говорит: «Проси, дед, чего хочешь. Все для тебя исполню».

Подумал дед маленько: «Хочу, —говорит, —чтобы здесь магазин стоял, курево покупать».

Задумался Хрущев —как же тут магазин поставишь? Кто в него ходить будет в такой глухомани? и опять же, откуда в него продукты возить?

«Слушай, папаша, —говорит тогда Хрущев, —может, тебе лучше курева вертолетом забросить?»

Но дед у меня упрямый был. «Нет, — говорит, — желаю, как человек, продавщицу с добрым утречком поздравить и курева у ней купить. А тебя, парнишка, никто за язык не тянул, но, ежели пообещал, то выполняй. Я тебя хорошо знаю, Хрущев твоя фамилия».

Делать нечего. Поворачивается Хрущев к Косыгину, рукой вокруг обводит и говорит: «Давай вот тут чего-нибудь распашем, коровок разведем и магазин откроем. Ты уж там распорядись».

Сели в машину и обратно в Москву уехали.

А в Москве ученые как посчитали, сколько Хрущев рукой обвел, так за голову схватились —получилась у них тысяча километров во все стороны. Степь ведь, ни бугорка, ни впадинки.

Что делать, позвали комсомольцев. А комсомольцев, их только позови. Они в пять минут чемоданчики деревянные уложили, схватили, у кого что было —кто лопату, кто кирку, и в поезд уселись.

Так что проснулся однажды мой дед утром, вышел на камушке посидеть, а на его землянке висит табличка: «улица Карла Маркса, дом 318».

Обрадовался дед, пошел магазин искать. Искал-искал, да так и не нашел. Комсомольцам зачем магазин? Им все равно никаких денег не платили.

Так и курил мой дед самосад до самой смерти.

Сидит, бывало, на камушке, а мимо пионеры в дудки дудят —юбилей целины празднуют.

Брежнев, говорят, два раза мимо дедова дома проезжал, но тот к нему ни разу не вышел.

Не любил он его почему-то.

Как-то раз одна женщина взяла, да и полюбила Гитлера. Причем за какой-то пустяк — он букву «р» очень смешно по-немецки выговаривал.

Женщины, они всегда так — сначала полюбят за какую-нибудь чепуху, а потом за такую же чепуху и разлюбят. Да ещё, когда уходить будут, наврут, что их два дня тошнило всякий раз, как они у нас ночевать оставались. А может, и не наврут.

И вообще, если бы мы с вами хоть раз догадались, что там про нас думают наши женщины, то давно все ушли бы в гомосексуалисты. Хорошо, что мы никогда не догадаемся. Потому что дураки набитые. На свете всё очень мудро на этот счёт устроено.

А Гитлер в то время ещё и Гитлером-то не был. Он был простой художник Шиккльгрубер из Мюнхена. И рисовал он картины гораздо лучше, чем какой-нибудь Малевич или Шагал, но почему-то никто не хотел их покупать. У тех всякую дрянь прямо из рук рвали, а у Шиккльгрубера уже вся каморка под лестницей была завалена картинами, одна лучше другой. Особенно ему удалась та, на которой был изображён очаг с дымящейся похлёбкой. Вроде и кубизм, а все как настоящее, даже лучше.

Впрочем, куда-то меня не туда занесло.

Гитлеру потом уже умные люди, конечно, объяснили, почему у Шагала с Малевичем и у прочих Рабиновичей дела хорошо идут, но тогда он ещё ничего не понимал и все старался кубики поаккуратней рисовать. Так уж немцы устроены. У них, если жизнь не ладится, они тут же возьмут мочалку и линейку, все отскоблят, подровняют, пива выпьют — любо-дорого смотреть.

Впрочем, мы что-то отвлеклись от женщины, которая полюбила художника Шиккльгрубера.

Звали её Эльзой. Она работала почтальоном в ячейке социалистов и бесплатно раздавала газеты кому попало, потому что их и за два пфеннига никто бы не купил, даже когда коробка спичек миллион марок стоила.

Художник Шиккльгрубер у неё всегда охотно брал газеты, потому что Эльза на самом деле ему очень нравилась, и каждый день в три часа он поджидал у дверей своей каморки её велосипед, и они долго расшаркивались и раскланивались, по сто раз говорили «натюрлих» и «ауф видерзеен». Потом она уезжала, а ему было удивительно, что такая красивая женщина работает у каких-то неопытных социалистов.

А однажды он не вышел её встретить, потому что простыл и лежал под своим выходным и единственным пальто, стуча зубами. И представляете, Эльза сама зашла поинтересоваться, не случилось ли чего с милым херром Шиккльгрубем, и он чуть не расплакался от жалости к себе, потому что да-да, конечно же, херру Шиккльгрубелю полный капут. Нет на свете более несчастного и жалкого существа, чем здоровый в целом мужчина, внезапно подхвативший насморк или порезавший пальчик.

Эльза напоила его каким-то фальшивым немецким бульоном и пообещала зайти вечером, проведать. И Шиккльгрубер трясся до самого её прихода, теперь уже от страха, что выздоровеет и ей придется подтыкать ему одеяло и щупать бугристый лоб.

Художник Шиккльгрубер не пользовался успехом у женщин. Даже потом, когда он уже стал Гитлером, стригся у лучших парикмахеров и шил костюмы у самых модных немецких портных, он и тогда выглядел не так что-

бы потрясающе. к тому времени, правда, в него уже были влюблены все немецкие женщины, но по каким-то другим, тоже непонятным, причинам.

И все же Эльза пришла к нему вечером. Чудес не бывает —она не осталась ночевать. Она осталась ночевать только через неделю. И художник Шиккльгрубер, который раньше имел дело только с пунктуальными немецкими проститутками, вдруг узнал, что с женщинами бывает не только быстро, аккуратно и гигиенически безупречно. Впрочем, это не наше с вами дело.

Эльза как-то так расставила его картины, что они перестали отнимать надежду у всех сюда входящих, натащила каких-то странных предметов и разместила в единственно возможных местах, из которых они сообщали о её здесь присутствии. Во всех укромных углах, которые первым делом проверяет любая женщина, были разложены шпильки. Она заняла художнику Шиккльгруберу немного денег, и на них были куплены первые в его жизни пристойные костюм и ботинки. Теперь можно было входить в кинематограф раньше, чем погасят свет, а самое главное, Шиккльгрубера, наконец, приняли в какую-то контору на службу.

В общем, всё у него наладилось. Эльза была незаметно для посторонних беременна, и вопрос женитьбы был давно решён, нужно было только подкопить немного денег. Плохо только, что Эльзу всё больше загружали работой в ячейке социалистов, и она приходила вечерами уставшая и неразговорчивая. Иногда она молчала несколько дней подряд, обидевшись на какой-нибудь пустяк, который сама же и выдумывала. Ну, да что взять с беременной женщины?

Потом у нее вдруг объявилась какая-то подозрительная больная тётка, и Эльза стала приходить все реже и реже. А потом совсем исчезла. И даже тех вещей, без которых жить не могла —каких-то щипчиков, пилочек, баночек, не пришла забрать.

Художник Шиккльгрубер пытался навести о ней справки в партии социалистов, но там ему наотрез отказали. Конспирация у них. Какая конспирация? Кому они нужны, эти социалисты?

Он зачастил в пивную. Напившись, он орал про превосходство немецкой нации. Посетители одобрительно поддакивали и иногда покупали ему ещё пива. Всё-таки превосходство — это приятно, чего уж там.

Возвращаясь из пивной, он дышал себе в ладонь, проверяя, не слишком ли от него разит, и всякий раз надеялся увидеть свет в своей каморке, потому что у Эльзы навсегда остался первый и единственный в его жизни второй ключ.

А однажды, уже весной, Шиккльгрубер вдруг встретил её на улице. Он свернул за угол и тут же увидел возмутительно хорошо одетую Эльзу. Он так долго и тщательно готовился к этой встрече, что совершенно растерялся. У него было столько планов на этот случай, один лучше другого, что он никак не мог выбрать. И вот она уже прошла мимо, и безразлично кивнуть или убийственно усмехнуться было уже поздно. Тогда он остановился и, трясаясь от злобы, закричал ей в спину: «Где мой ребёнок? Сука!»

Она обернулась, посмотрела на него так, как умеют смотреть на нас только те женщины, которые с нами когда-то спали, села в автомобиль «Хорьх» и захлопнула дверь. Шиккльгрубер начал дергать ручку, но шофер с хамским почтением, которым в совершенстве владеют только негры, отвел его в сторонку, сел за руль, и автомобиль уехал.

Здесь мы и расстанемся с художником Шиккльгрубером. Здесь он и сам с собой расстанется.

Он стоит на немецкой улице, смотрит вслед автомобилю, и прохожие, не в пример нашим, его аккуратно обходят.

Новые брюки уже отвисли на задуге и коленях, у ботинок смешно задрались носы, и сейчас он действительно очень похож на своего любимого комика Чарли Чаплина, для полного сходства не хватает только дурацких усиков под носом. Через несколько лет Чарли Чаплин снимет жалкую и несмешную комедию, но она будет уже не про художника Шиккльгрубера, а про того человека, к которому Эльза должна была приползти на коленях.

Но Эльза к нему никогда не вернулась. После скандального развода с сосисочным магнатом, её, вышвырнутую вместе с сыном на улицу, вызвали для выдачи нового задания в Москву, а оттуда она отправилась напрямик в Акмолинский лагерь для жён врагов народа. Это было несправедливо, конечно. Она ведь никогда не была женой Гитлера.

Умные люди посоветовали ей написать письмо Сталину, и действительно — в тридцать восьмом году дело отправили на дорасследование, а через две недели её уже расстреляли.

Немецкая разведка работала тогда не в пример хуже нашей, и Гитлер узнал про расстрел Эльзы только через три года, за два дня до того, как Германия вероломно нарушила пакт о ненападении.

Про её сына Михеля никто не знал, что его папа — Гитлер, поэтому его просто отдали в какой-то детдом подальше от Москвы, где-то на Ставрополье. Когда началась война, немцы, которые тоже ничего не знали про сына Гитлера, этот детдом разбомбили, а разбежавшихся детей приютили местные колхозники. Михеля, которого все, конечно же, звали Мишей, взял к себе середняк Сергей Фомич...

«А-а!!! — закричит тут какой-нибудь не в меру догадливый читатель. — Сейчас нам будут врать, что отец перестройки Михаил Сергеевич Горбачев был сыном Гитлера».

Да нет. Ничего такого я вам врать не буду.

Дядя Миша работал у нас, в общежитии института иностранных языков, вахтёром. У него было недержание, и он носил в штанах баночку, которая, судя по всему, час-тенько проливалась. Почему-то он питал ко мне симпатию и делился драгоценной житейской мудростью, типа «делай людям добро —они тебе сделают говно». Я поддакивал и за-давал вопросы, пока за спиной дяди Миши подозрительные личности протаскивали через вахту сумки с портвейном.

Через несколько лет кривая жизнь опять занесла меня в родное общежитие. Я пытался навести справки про дядю Мишу, но все его давно забыли. Кто-то неуверенно сказал, что он умер. А может, просто уволился.

Вот и всё.

1998

Про одного человека

Пистолет

1

Иван Иванович купил себе на базаре пистолет.

Вообще-то сначала он хотел купить луку. Потому что макароны без лука — это совсем одно блюдо, а макароны с луком, если его поджарить на постном масле, совсем другое. Иван Иванович любил питаться разнообразно.

Только в овощном магазине ему что-то такое вместо луку насыпали, что даже Иван Иванович на них обиделся и пошёл на базар.

А там к нему возьми да пристань какой-то цыган. А может, и не цыган, но борода рыжая из ушей по всему телу растёт. Купи, говорит, пистолет, от сердца отрываю. Иван Иванович отказывался-отказывался, но цыган этот показал ему какой-то ножик из-под тулупа. Пришлось купить. А на лук и денег не осталось совсем.

Пришел Иван Иванович к себе домой и сел на табуретку думать — как бы с этим пистолетом поступить. Наконец придумал и положил его в кастрюлю, а кастрюлю поставил

на антресоль, которая ещё от строителей недоделанная осталась.

Только среди ночи начал кто-то ему в двери кулаком стучать. Вскочил Иван Иванович, открыл — а там милиция стоит, сердитая. Ну-ка, говорит, показывайте, кого прячете. А кого прятать-то? От Ивана Ивановича как жена десять лет назад ушла, так больше никто и не приходил.

Так ему милиция и поверила.

Весь дом перерыла, но зато нашла в холодильнике какой-то кусок мяса, очень подозрительный. Иван Иванович и сам, когда принёс его из куриного магазина, долго рассматривал — очень уж волосы из него удивительные росли. Милиция тут же стала кричать, что нужно, мол, искать голову от этого куска, и полезла на табуретку, чтобы проверить антресоль. Но табуретка, наверное, была не очень хорошая, потому что милиция с неё свалилась и расквасила себе всю морду.

Обиделась тогда милиция на Ивана Ивановича и ушла куда-то к себе в отделение. А Иван Иванович глаз распухший пальцем вывихнутым потрогал и решил, что надо бы пистолет куда-нибудь получше перепрятать.

2

И опять спать лёг.

А когда постучали в двери, Иван Иванович даже ничуть не удивился. Уж если десять лет никого не было, то потом обязательно будут всю ночь в дверь барабанить.

Открыл Иван Иванович дверь, а там тёща его бывшая стоит. И мужчина с ней какой-то.

«Здравствуй, — говорит, — Ванька».

«Здравствуйте, — отвечает Иван Иванович, — Пелагея Матвеевна». А сам думает, что может и не Матвеевна. Может Михайловна. Сколько лет прошло.

«Дурак ты, Ванька, —говорит тёща. — Как был всю жизнь дурак, так дурак и остался. Какая я тебе Пелагея Матвеевна. Тем более что Васильевна. Я ведь жена твоя бывшая».

Присмотрелся Иван Иванович —и правда жена. Только на тёщу очень похожая десять лет назад. Интересно, думает Иван Иванович, а на кого сейчас теща похожа? Неужели на жену?

Пока он всё это думал, та уже давно зашла и стала по квартире ходить. Она, ещё когда с Иваном Ивановичем жила, тоже, бывало, домой неделю не ходит, а потом вернётся и давай по всем углам заглядывать. Принесёт с кухни помаду и страшным голосом спрашивает: «Это что такое?». Ну что тут ответишь? Помада, она и есть помада.

Только на этот раз она ничего не нашла. Богато, говорит, живёшь. Чаем бы хоть попоил. А мужчина её уже на табуретке уселся, серьёзный. Муж, наверное, новый. Хотя, какой он новый? Плешивый весь какой-то. Вот пиджак на нем —да, пиджак новый. Сидит и молчит. Непонятно только —стесняется или брезгует.

Его Иван Иванович тоже вспомнил. Он у них однажды полгода жил. Также всё молчал. Иван Иванович даже не знал, как его зовут. Ему ещё жена в комнате на полу стелила. Давно это было.

Пока Иван Иванович всё это вспоминал, заходит вдруг жена на кухню, а в руке у неё пистолет. Оказывается, она за пять минут уже опять свои порядки навела и решила стол разложить. Места ей мало, что ли?

Ты что, говорит, застрелиться решил?

Иван Иванович даже руками развел. Про цыгана ей рассказывать, что ли?

Да так, говорит, сам не знаю, откуда взялся.

Ну, тогда, говорит жена, ни к чему он тебе. ещё стрельнешь в кого-нибудь. И спрятала пистолет к себе в сумочку.

Иван Иванович чуть не подпрыгнул от радости. Слава Богу, думает, пусть забирает. Ни к чему он мне, этот пис-толет.

Напоил он их чаем. Хотел было мяса сварить, но жена, оказывается, его уже выбросила в мусорное ведро. Ну, выбросила и выбросила. Иван Иванович не стал с ней спорить. Он и раньше-то не очень спорил, а теперь и вовсе разучился.

Проснулся он рано утром на кухне, собрал газеты с полу. Выходит в коридор — а дверь настежь открыта. Ушла, значит, жена с мужчиной своим.

Закрыв Иван Иванович дверь и пошел в комнату, матрас свернуть. Опять в двери стучат.

Вот ведь, думает Иван Иванович.

Открыл двери, а там цыган давешний стоит и головой качает. Что же ты, говорит, такой сякой, пистолет кому попало отдаёшь? На, говорит, держи, и больше никому. Последнее мое тебе предупреждение. И ушел.

Иван Иванович долго ещё потом в дверях стоял. То на пистолет посмотрит, то в подъезд. Пусто в подъезде, тихо. Только помада чья-то на ступеньке валяется раздавленная.

3

Вернулся Иван Иванович назад в комнату, положил пистолет прямо посреди стола и на табуретку сел. Сидит, ждет.

Только в дверь никто больше не стучит.

Встал Иван Иванович с табуретки, выглянул в подъезд — тихо. Борщом только очень пахнет.

Запер он дверь и опять сел. Вдруг слышит шаги чьи-то на лестнице. Вскочил Иван Иванович, к двери подошел, послушал — да нет, мимо кто-то прошел.

Снова сел Иван Иванович на табуретку. Посидел немного, потом пошел в окно выглянуть. И как раз вовремя — подъехала к подъезду машина, открылись у нее все четыре двери, и вышли четыре мужчины в пальто, все одинаковые. И в подъезд зашли. Побежал Иван Иванович, из квартиры выглянул, прислушался — тихо.

И борщом пахнет так, что даже страшно становится.

4

В понедельник утром Иван Иванович проснулся, послушал радио и пошел на службу. А пистолет так и оставил на столе лежать.

Зато по дороге на службу произошло с Иваном Ивановичем странное происшествие. Как только он залез в троллейбус, все люди побежали к дверям, чтобы на улицу выйти. Так торопились, что даже одну старушку убили. Старушка сама кричала: «Ой, убили, люди добрые!».

Иван Иванович посмеялся над старушкой и подумал, что сзади, наверное, ещё один троллейбус, пустой, поэтому все туда и побежали. А ему зачем куда-то бежать? Ему и в этом троллейбусе места хватает. Тем более что на каждой остановке люди вроде как к троллейбусу подбегут и начнут лезть друг другу по головам, а потом как бы передумают и назад пятятся. Те, которые ещё не передумали, сзади напирают, кричат друг на друга. в общем, шуму много, а троллейбус постоит-постоит и дальше пустой едет.

Очень удивительные они, эти люди. Раньше Иван Иванович сильно на них удивлялся, а потом ничего, привык.

Так он и доехал до самой службы.

А больше в этот день с ним ничего не случилось. с Иваном Ивановичем вообще редко что случалось.

Пистолет только этот.

Вернулся Иван Иванович вечером домой, открыл дверь, зашёл.

А пистолета на столе нет.

5

Сначала Иван Иванович подумал, что его ограбили. Потом посмотрел вокруг — всё на месте. И стол, и матрас, и табуретка тоже на месте. Радио на стене висит.

Пошёл он тогда к двери. Там вокруг замка фанерка была такая, чтобы он не вываливался. Нет, фанерка на месте и гвоздями прибита.

Никто, значит, дверь не ломал, а то как бы её снаружи приколачивать?

Подошёл Иван Иванович к окну, вниз посмотрел — даже страшно подумать. Восьмой всё-таки этаж. А лифт уже который год не работает. Как дом построили, так и не работает.

Нет, ничего Ивану Ивановичу не стало понятно. Попил он чаю, радио послушал и спать собрался.

Развернул он матрас, а в нём пистолет лежит. Ну что с ним поделать, а?

Положил Иван Иванович пистолет назад на стол. Вдруг в дверь как забарабанят! Испугался Иван Иванович, схватил пистолет со стола и завернул назад в матрас. Подошёл к двери, послушал — тихо. Открыл — нет никого.

Пришлось Ивану Ивановичу и эту ночь на газетах спать. Оно бы ничего, матрас, он тоже не очень мягкий, только вот шуршат эти газеты. Да и странно было бы, кабы не шуршали. Газеты все-таки.

6

А ночью Иван Иванович проснулся от страшной стрельбы. Кричит кто-то на неизвестном языке и палит во что

ни попадая. Или, может, один палит, а другой кричит. Поди разберись.

Сначала Иван Иванович сильно испугался, а потом вспомнил, что у него внизу живёт один сосед. Ему ночью специальное кино показывают для тех, кому утром на службу не надо идти.

А тем, которым на службу, им другое кино вечером показывают — постановку какую-нибудь, или балет, или новости разные.

А у Ивана Ивановича и вовсе никакого телевизора не было. Поэтому он не стал на соседа обижаться и опять заснул.

Утром он проснулся, умылся и пошёл посмотреть, как там пистолет поживает. Развернул матрас — лежит, живой-здоровый и тёплый даже.

Оно и понятно — если бы Иван Иванович всю ночь в матрас завернутый проспал, он бы тоже тёплый был. Это вам не на газетах спать.

7

Вышел Иван Иванович на улицу, пришёл на остановку, а там уже совсем что-то непонятное творится. Во-первых, темно, хоть глаз выколи, а во-вторых, ни одного живого человека.

И ветер дует.

Постоял Иван Иванович совсем даже недолго, а уже троллейбус подходит.

Обрадовался он, зашёл. Смотрит, а троллейбус опять совсем пустой, только один человек впереди сидит. в шляпе, а из-под шляпы волосы рыжие во все стороны торчат. Ну, Иван Иванович, понятное дело, не стал бежать этому человеку в лицо заглядывать. Он, как раз наоборот, сел потихоньку сзади и стал смотреть в окошко.

А за окном темно, даже окна в домах не светятся. И троллейбус мчится со страшной скоростью без всяких остановок. А куда едет? Ничего не понятно.

Ивану Ивановичу, чтобы до службы доехать, нужно три раза повернуть, чтобы у троллейбуса хоть один раз рога с проводов слетели.

А тут едет он все прямо и прямо. Хотя, может быть, Иван Иванович так из-за этого рыжего разволновался, что и не заметил. Может быть, и так.

Но рога ни разу не слетали, это точно. Потому что Ивану Ивановичу, ещё когда он сел, показалось, что за рулем и водителя-то никакого нет. Если бы рога слетели, водитель бы вышел, и Иван Иванович сразу бы понял, что ошибался. Только никто никуда не выходил.

А троллейбус всё едет и едет. У них в городе и улиц таких длинных не было. Да Бог с ними, с улицами, а вот водитель — это другое дело.

Тут пассажир впереди встает и идёт к Ивану Ивановичу. Идет и за сиденья хватается, потому что троллейбус очень сильно из стороны в сторону качается.

И улыбается золотыми зубами.

Подожёл он, достал из кармана пистолет, тот самый, прижал его Ивану Ивановичу к зубам и выстрелил.

Очень это больно, когда все зубы вылетают.

8

Сидит Иван Иванович на матрасе и за зубы держится.

Потом уже понял, что приснилось это ему всё. Интересно, думает Иван Иванович, а жена тоже приснилась? а про то, что цыган приходил? а вдруг и пистолет приснился? Как же это узнать? Не спросишь ведь никого.

Думал-думал Иван Иванович и придумал. Нужно в холодильнике посмотреть. Если кусок мяса там лежит,

значит, жена приснилась. А если жена приснилась, то очень может быть, что и всё остальное тоже.

Хотя, кто его знает. Но лучше бы, чтобы приснилось.

Пошел Иван Иванович на кухню, холодильник открыл. Смотрит — а мясо на месте. То самое, с волосами.

И пистолет рядом лежит, весь льдом покрытый.

9

Проще всего, конечно, подумать, что Иван Иванович взял, да и сошел с ума. Ну, с ума-то сойти — дело нехитрое. А пистолет? Лежит он в морозильнике, и всё тут. Номер на нём кто-то напильником спиливал, да так и бросил.

Ивана Ивановича можно, конечно, отправить в сумасшедший дом. А пистолет куда? В милицию?

Много эта милиция в цыганах понимает.

Уже потом, кстати сказать, проверила милиция этого цыгана, когда он на базаре сову вареную продавал. Ну и что? Выяснилось, что он вовсе не цыган, а француз. Французы, они, оказывается, тоже рыжие бывают.

Пожала милиция плечами и отпустила цыгана восвояси. Нельзя же, в самом деле, сажать француза в тюрьму только за то, что он совой вареной торгует.

10

Поэтому, пусть всё будет как есть.

Пистолет лежит в холодильнике, а Иван Иванович сидит на табуретке и слушает радио. По радио как раз передают какие-то новости.

У них, на радио, всегда есть разные новости. Да оно и не удивительно. Много чего на свете случается.

1994

Скрепки

В одной далекой стране жил один человек.

Этот человек сильно любил одну женщину. Только он очень редко её видел. Один раз в четырнадцать лет. И всего один раз.

Однажды этому человеку что-то такое сильно понадобилось. Скрепки, что ли. Или, может быть, вермишель, кто его знает.

А в той стране был такой порядок — всё кругом бесплатно, потому что денег всё равно ни у кого нету.

Нужен тебе, скажем, веник — получай даром веник. Только сначала нужно написать заявление в специальную комиссию. Так, мол, и так — имею большую потребность в венике. Комиссия придет, все проверит, соседей расспросит и через месяц можно пойти и получить свой веник. Главное, что даром.

А без комиссии нельзя. Может, у тебя уже есть веник. Или тебе им и подметать-то нечего. Да мало ли чего — может, у тебя и рук-то нету. А веников где на всех напасёшь.

Поэтому человек сел и написал заявление. Имею, мол, большую потребность в скрепках. Или, может быть, в вермишели. Отнес куда следует и пошел домой ждать комиссии.

Только комиссия всё не идет.

У человека этого даже ноги уже холодеть начали. Видно, сильно ему нужны были эти скрепки. Или вермишель.

Как вдруг однажды кто-то стучит ему в двери. Войдите, говорит человек. А сам с пола не встаёт, чтобы двери открыть, потому что сил нет. Да и замка в двери все равно тоже нет.

Зачем ему замок. В той стране вообще ни у кого замков не было.

А то ведь как может быть —выдадут кому-нибудь ботинки. А он, скажем, домой пришёл, да и помер. А дверь на замке. Как, спрашивается, комиссия будет с него ботинки снимать? Поэтому замков ни у кого в стране не было.

Тут двери открываются, и заходит женщина. Та самая, которую тот человек любил. Он даже испугался от радости.

Посадить бы её на стул, думает. Так ведь нет стула.

А женщина и не собиралась садиться. Это вы, говорит, такой-то?

Конечно я, он самый, думает человек. А сказать ничего от радости не может. Водички бы ей налить, думает. Так ведь стакана нет. И воду когда ещё отключили.

Но женщина и сама про него всё давно знает. У вас, говорит, в прошлом году была большая потребность заделать окно, так вам чуть ли не полкило замазки даром выдали. Зима уже семь месяцев как кончилась, а вы до сих пор замазку назад не сдали. Так что давайте-ка её побыстрее отковыривайте, а я завтра приду заберу. И ушла.

Господи, думает человек, да неужто мне ей замазки жалко. Встал кое-как и замазку всю отковырял. А стеклышко, которое на ней держалось, аккуратно так в уголок поставил. Снова лёг на пол и стал ждать, когда женщина эта опять придет.

Только она больше не пришла. Вместо неё пришел какой-то совсем другой мужчина и забрал замазку. И стеклышко тоже зачем-то забрал. А человек ничего ему на это не сказал.

Зато когда пришла комиссия, чтобы про скрепки спросить, оказалось, что человек уже умер. Он лежал на полу, весь занесенный снегом, и, когда комиссия разгребла снег, она увидела, что человек улыбается.

И улыбался он так хорошо, что комиссия поскорее сняла с него ботинки и закопала его во дворе.

И никто не спросил —кого, мол, закапываете?
Потому что он был один человек.

1992

Гипертония

Пришел однажды один человек к доктору.

А доктор сидит очень занятой, потому что думает, как бы у кого-нибудь взятку бензонасосом взять.

Тут заходит этот человек, и по нему сразу видно, что нет у него никакого бензонасоса, не было никогда и уже не будет.

Слушаю, говорит доктор. А сам врёт —ничего-то он не слушает.

Стал тогда ему человек что-то про жизнь свою рассказывать. Какая там у него жизнь? А он рассказывал-рассказывал, запутался даже и сначала начал.

Тут как раз доктор все про бензонасос придумал и стал прислушиваться к человеку. Слышит, а тот ему про какую-то женщину рассказывает. Ага, обрадовался доктор, так это вам не ко мне, а совсем в другой конец города. Позовите следующего.

Человек хотел что-то ещё сказать, уронил шапку, поднял и пошёл к себе домой.

А дома взял да и умер.

И никто так и не узнал бы, что он умер, да хорошо цыганка беременная пришла к нему мыла для детишек голодных попросить. Уж она в двери колотила-колотила, а потом пошла в милицию. Там, говорит, человек умер.

Милиция хохочет —совсем, мол, ты, товарищ цыганка, с ума сбрендила. Может быть, он вовсе за хлебом в магазин пошел. А та —нет, и всё. Я, говорит, всё на свете знаю, я цыганка-сербиянка, у меня даже паспорта нету.

Проверила милиция цыганку, и действительно — нет у неё никакого паспорта. Что поделаешь, пришлось милиции идти с ней вместе двери ломать.

Поломали двери, заходят, сапогами топчут. Видят — а человек тот и правда умер. Свет везде горит, на кухне радио разговаривает, а он калачиком свернулся и как бы спит. А сам умер.

Посмотрела милиция кругом —окна-двери целые, ничего не перевернуто. А украли там чего или нет — так кто ж знает, что у этого человека было?

Один милиционер, молодой ещё, глупый, цыганку спрашивает —эй, скажи-ка, отчего он умер? И улыбается заранее.

Только та ничего ему на это не ответила и ушла куда-то по своим цыганским делам.

Цыгане, они всё на свете знают, только никому ничего не рассказывают. Разве что за деньги. Да и то наврут специально.

Ну, милиция не стала сильно переживать. Вызвали почему-то скорую помощь и увезли того человека в морг.

Там два врача в зелёных халатах его резали-резали, да так ничего и не нашли. Ему с такими симптомами даже бюллетень на три дня бы не дали. А он умер.

Почесали врачи в затылках резиновыми перчатками и написали справку: такой-то умер вроде как от гипертонии.

В загсе эту справку почитали, тоже в затылках почесали и выписали свидетельство. И там, где причина смерти —написали специально неразборчивым почерком: «вроде как гипертония».

Смешно даже читать такое, ей-богу.

Хорошо, что свидетельство это так никто из загса не забрал. Оно там до сих пор лежит в архиве. И все в нём есть — и номер, и печать, и фамилия даже какая-то.

Откуда они её взяли —эту фамилию? У него и фамилии-то никакой не было.

Так, просто один человек.

1992

Кепка

Один человек купил себе в магазине кепку. Надел её тут же на голову и пошёл домой.

Только замечает он, что все люди на него оборачиваются и ласково так улыбаются.

Человек, конечно, тут же заволновался. Люди, они просто так никогда ласково не улыбаются. Только если у тебя спина краской измазанная или ширинка расстегнутая.

Проверил он потихоньку ширинку —нет, всё нормально на этот раз. Может быть, думает, они на кепку улыбаются? Тоже непонятно. Ладно бы, она была какая-нибудь зелёная с красными драконами. Да нет — серенькая, в мелкий рубчик. Ну и ладно, подумал человек, пусть себе улыбаются. Может быть, они над штанами моими смеются. Штаны у него и правда не очень хорошие были.

Идёт он себе домой, как вдруг подходит к нему женщина и говорит. Я, говорит, когда увидела, какой вы замечательный, так желаю, не сходя с места, вам отдаться прямо здесь, на мостовой.

Ну, зачем же на мостовой, удивился человек. Пойдемте, лучше ко мне в гости. Я, например, чаю купил недавно.

Пришли они к нему домой. Человек кепку снял и повесил на вешалку.

А женщина как закричит. Как ваше фамилие, кричит. Вы как меня сюда заманили, у меня даже муж есть. Не иначе, кричит, вы надо мной надругаться задумали.

И, хотя её никто и не удерживал, она всё равно вырвалась и убежала вниз по лестнице.

А человек пожал плечами и стал телевизор смотреть. Только никак у него из головы эта женщина не выходит.

Посмотрел он ещё телевизор и понял, что кепка эта не простая. Её, когда наденешь, то все сразу видят, какой ты на самом деле замечательный. А без кепки не видят. Плевать они хотели.

Посмотрел он ещё телевизор.

Ну и что, думает, буду я в этой кепке ходить, а потом она свалится, и все закричат «а как ваше фамилие». Не хочу я никого обманывать, думает.

Встал он тогда, взял кепку с вешалки, выбросил её в мусорное ведро, а ведро во двор в бак вынес, не поленился.

Пришел домой и опять стал смотреть телевизор. А сам все про кепку думает.

Можно, например, думает, пришить к кепке ляпочки и завязать на подбородке. И никто меня, такого замечательного, ни в чём не заподозрит и не спросит, почему я в кепке купаюсь. Я же никого обманывать не собираюсь. Я же и в самом деле замечательный, только никто этого никогда не замечает, потому что штаны у меня не очень хорошие. Или ещё почему-нибудь. Зря, думает, я эту кепку выкинул.

Вскочил он, побежал во двор, а мусорные баки, оказывается, уже увезли. Три месяца не увозили, а тут за пять минут подъехали и увезли неизвестно куда.

Вернулся человек домой, лёг на свой диван и, конечно же, не умер.

Так и живет он до сих пор, телевизор смотрит. И никто не знает, какой он на самом деле замечательный.

Да нет, конечно же, всё было не так.

Кто же станет такую кепку выкидывать? с ней же огромные тыщи зарабатывать можно.

Этот человек пришел к своей кепке тесёмки и завязал покрепче под подбородком.

И действительно — все у него теперь есть. И жена, и любовницы три штуки зачем-то, и квартира, и мебели откуда-то полный дом привезли. Кепка, конечно, грязная стала, воняет. Только никто не обращает на это внимания.

Соберутся, бывало, у него двести человек гостей и пляшут до утра. А человек этот сидит на диване, телевизор смотрит. И всё время думает.

А что, думает, случится, если я сейчас тесемки развяжу?

А я так думаю, что ничего особенного уже не случится.

1993

Енот и папуас

В данном конкретном пространстве существует несколько верных способов дожидаться чего угодно. Из них лично мне известен только один — не ждать.

Только не надо притворяться и косить глазом, тогда ничего не выйдет. Нужно просто не ждать, и оно полезет к вам изо всех щелей, с криком «а вот и я!».

Не вздумайте в него вцепиться. Оно тут же, без всякого крика, просочится сквозь пальцы и уползет в те же щели.

Лучше посмотрите на него с тоской и представьте, что оно останется с вами по гроб жизни.

Оно останется, честное слово.

А ещё в этом пространстве существует несколько верных способов не дожидаться никогда.

Не смотрите вы на этот телефон, не таскайте его за собой в ванну — он все равно никогда больше в этой жизни не зазвонит.

И не сидите вы возле этого окна — мимо него пройдут все живые и мертвые этого мира, пролетят все ангелы и птицы, проползут все гады земные на чреве своем, и только одна-единственная тень никогда не вывернет из-за угла.

И не пытайтесь надуть этот мир. Не ложитесь спать с надеждой проснуться от звонка в дверь. Вы проснетесь в три часа ночи, и сегодня уже точно никто не придет, и спать уже не хочется, а до утра с его спасительными иллюзиями еще, ох, как долго.

Наплюйте. Наплюйте на все, и у вас появятся тысячи и миллионы от всей души ненужных вам вещей. Все будут завидовать, но вам и на это будет наплевать».

Так думал юный папуас, дрожа от утренней сырости на острове, однажды открытом Миклухо-Маклаем просто так, с похмелья и от дурного настроения.

И кто их просил, этих вечно пьяных великих мореплавателей, сочинять мир по своему образу и подобию, рисовать трясущимися руками Африку и Австралию, отбирать у индейцев Америку и лепить куда попало? Хорошо, что все они, в конце концов, заболели малярией, утонули, сошли с ума и были съедены ими же придуманными дикарями. А то неизвестно чего ещё они натащили бы на этот и без них скособоченный глобус.

Вот и Миклухо-Маклай, простой, ведь, русский человек, лежал бы себе на печке и гордился тем, что все у него не как у людей — летосчисление кривое, свиньи в доме живут, а тоска какая... Так нет же, придумал себе папуасов, хотел, наверное, чтобы они у него счастливые получились. Но у него тоже ничего не вышло. Вот и запил Миклухо, да и выловил как-то из неназванного серого киселя никому не нужный остров, на котором теперь мучается в предрассветных кустах юный папуас с мокрым луком в руках и дожидается такого же несчастного сумчатого енота.

Иногда, после многообещающего шуршания, из кустов выскакивал неинтересный муравьед или полосатый бело-коричневый младенец.

Эти младенцы таинственным образом расплодились на острове сразу после его открытия Миклухо-Маклаем. Никто не знал, откуда они берутся и как они размножаются, во всяком случае, никто не заставлял их за этим занятием, но размножались они удивительно быстро. Применить их к какой-нибудь пользе тоже никому не удалось. Однажды экспедиция людоедов с соседнего острова наловила восемь мешков этих младенцев и торжественно зажарила под бой тамтамов, но есть их никто не стал — вкусом младенцы больше всего напоминали грибы. Людоеды, они, конечно, люди с широкими взглядами на жизнь, но для них грибы — все равно, что кошке огурцы. Есть можно, но противно.

«А я всегда завидовал тем, кто твердо уверен в своем существовании.

Как это, должно быть, прекрасно — проснуться утром, посмотреть в зеркало и обрадоваться: «Вот он я, Вася Печкин!»

А я... я смотрю на зеркальное существо, пытаюсь натянуть его на себя, втиснуться в него, а оно не лезет, морщит

и лопается на спине, и мои глаза никак не желают совмещаться с дырками в его резиновом лице. Так и хожу весь день, как дурацкий кенгуру из детского парка, выглядывая через проеденную мышами прореху в душном костюме, чтобы не растянуться от чьей-то дружелюбной подножки».

Так думал сумчатый енот, крупно дрожа в редком кустарнике. Он никак не мог решиться на то, что все равно неизбежно — выйти из кустов и появиться перед папуасом, наперед зная, что все напрасно, что тот будет напряженно смотреть насквозь, и, уже навсегда, остаться ничем.

И тогда зачем это все? Зачем эта дрожь в сырых кустах на никому не нужном острове, зачем это ежедневное выламывание суставов для того, чтобы найти с этим миром ну хоть какие-то точки соприкосновения?

«Все это глупости, мой мальчик, — говорил Миклухо-Маклай, задумчиво ковыряя дырку на колене. — Тебе, сынок, повыдерут перья, отмоют добела и заставят поливать помидорную рассаду. Можно бороться с наступлением зимы или с дрейфом материков, но с этим миром бороться нельзя. Он одушевлен и начисто лишен иллюзий».

«Иллюзий... Что останется от этого мира, если убрать все эти глупые веру-надежду-любовь? — думал юный папуас, сидя в засаде. — Зачем он мне без иллюзий? И зачем он тогда себе, раз он все-таки одушевлен?»

Папуас подергал мокрую провисшую тетиву, и тут из кустов на мягких непослушных лапах выполз сумчатый енот.

Город-3

Только не надо на меня кричать.

Да, я разрушил этот город. Сам придумал, сам разрушил. Мой город — что хочу, то и делаю. Одним городом больше, одним меньше.

Все равно вы не знаете ни одного обвинения, о котором я бы уже не подумал.

Никакого плана не было. Все сочинялось на ходу.

Собака задирала ногу, и вырастало дерево с русалкой на самой толстой ветке, а другая ветка, плавно изгибаясь, заканчивалась удавленником. И все это мимо, мимо, как декорация, призванная изображать движение повозки в бездарно драматическом театре моего самого первого и неудачного города. Я тогда ещё ничего не разрушал сам и поэтому, выхватив из реберной части толстомясой империи солидный кусок, сделал свой первый город столицей этой грудинки, нагнав туда подневольных переселенцев в шелковых шарфах с сотовыми телефонами, от всей души ненавидевших это пыльное образование с морозами в августе и комарами в январе. А уже эти переселенцы сами позвали разноцветных турков, которые и не оставили от того города камня на камне. Не то ещё две тысячи лет я спотыкался бы на одной и той же кочке, родной и тошнотворной, как детсадовское какао.

А этот город был уже третьим. Мне казалось, что я чему-то научился на первых двух.

Я старался. Придумал медленный снег на трамвайных путях, а самих трамваев нарочно придумывать не стал, они сами потом откуда-то появились, от какой-то моей же незаметной подлости, а может, на стене начеркал какую-нибудь каббалистическую загогулину, не знаю... Эти

трамваи невозможно было выследить и уничтожить, потому что появлялись они только один раз, в пять часов утра, грохоча чугунными колесами и разрушая мой дом тогда, когда не открыть глаз и не оторвать головы, когда ночь уже кончена, а утро ещё неизвестно, настанет ли.

Посреди города я сочинил дерево, ветки которого на этот раз были слишком тонкими и поэтому бледная русалка с бесцветными глазами уже не сидела на них, а тянулась к нескончаемой черешне под неусыпным надзором библейски распутной матушки в халате с одной пуговицей на все случаи жизни. Однажды я напустил на город небольшой потоп, который затушил в нем все огни, кроме моей неотвратимой свечки, и русалка, впервые в жизни оторвавшись от черешни, пришла посмотреть ко мне в окно.

Еще в первом городе я узнал о шарообразности этого мира. Помню, как я смотрел в спину уходящему навсегда человеку, наблюдая, как сначала исчезают его ноги, потом плечи, голова... И вдруг я понял, что он никуда не уйдет, а будет появляться из-за спины снова и снова, до скончания времен. Поэтому свой третий город я окружил горами. Нет, не для того, чтобы защититься ими от все возрастающего числа ушедших людей, на самом деле эти горы были всего лишь оптической иллюзией, я проверял — сколько ни иди, они отодвигаются все дальше и дальше, как радуга. Но, во всяком случае, они хотя бы закрывали отвратительную в своей непрерывности линию горизонта.

Я потихоньку обживал свое новое пространство, размечая улицы и кварталы желтыми каракулями на снегу и пеплом, сыпавшимся с измятых сигарет.

Но уже тогда город стал вести себя неправильно. Однажды я проснулся ночью на совершенно незнакомой улице, до

того темной и прямой, что она просто не могла бы прийти мне в голову. На ней жили кашляющие от злобы собаки, и когда она все же закончилась, я снова увидел ненавистную линию горизонта, из-за которой выползала на бесконечную помойку алюминиевая луна. Крекс, фекс, пекс. Я порылся в карманах, да где там... Папа Карло опять остался без новой куртки.

Из города в разные стороны уходили рельсы, и, отправившись по ним путешествовать, в самом конце я обнаружил своего высохшего предшественника с неестественно настоящими ногтями на черных перебинтованных ногах и покрытый мелкими трещинами портрет дамы с глазами русалки, смотрящей на свечку в моем окне.

А на обратном пути меня подкараулил и схватил незаправдашний горбун в белом халате. Он смешивал в пробирках волшебные жидкости и разрешил мне подуть в стеклянную трубочку, чтобы жидкость в пробирке задымилась и окрасилась в рубиновый цвет, ух ты!

Очевидная банальность горбуна предлагала усомниться в его реальности, и я ушел от него, уже не помню как, позволив ему попытаться до окончания времен усталых путников с рюкзаками, полными жухлых трав. Это была чужая территория, там я был не хозяин.

Но пока я путешествовал по рельсам, город усомнился уже в моем существовании. Возможно, виной тому была та же самая банальность, на которую с идиотской настойчивостью указывали зеркало в затоптанной прихожей и черный бюстгальтер, третий месяц сохнувший на трубе в ванной.

Город торопливо переделывал придуманных мной людей, он задавил машиной счастливую бабушку с белым платочком, плясавшую возле пивного ларька, замусорил все улицы и перегородил их троллейбусами со сваренными

коротким замыканием рогами. Он населил город близнецами-милиционерами, которые размножались простым делением. Я сам однажды видел — стоял на углу сержант, потоптался как-то странно, глядь — а их уже двое. И лица у них одинаковые, и звания, и фамилии даже.

И прохожие, которых я придумывал, чтобы было не скучно ходить по улицам, стали какими-то пыльными и застиранными. Их по утрам вывозили древними растрескавшимися автобусами из каких-то хранилищ на краю города и туда же свозили по вечерам, сваливая как попало, вперемешку с прохудившимися молочными пакетами.

Я ходил по своему городу и не узнавал его. Неужели все это сочинил я? Хотя вон она — пуговица от моей рубашки в асфальтовой трещине.

Какой-то злой Мебиус успел склеить свое кольцо с односторонней поверхностью, из которой невозможно уйти. Декорации совершили круг сквозь паутину кулис, и на сцену опять выползло дерево с развешенными для просушки агрессивно сиреневыми рейтузами примадонны.

Опять война.

Ну почему, почему все и всегда кончается войной? Ну, любовь — понятно, но ведь и ненависть тоже. Да что там говорить, валенок в мусоропровод выбросишь — и на тебя уже идет хорошо организованный манипул соседских пенсионеров, лязгающих крепкими железными зубами.

Как-то раз в бане ко мне подошел голый кривоногий человечек и протянул младенческую молочную бутылку, уверяя, что эта мутная жидкость сделает меня бессмертным. Мне стало смешно — я и так был бессмертен — и глотнул из бутылочки. Последнее, что я помню из той жизни — это клочок чьей-то кожи с толстыми пороссячьими волосами, оставшийся на плохо забитом в деревянную ступеньку гвозде.

Все рассыпалось, растрескалось и разъехалось по швам, а я все никак не мог приподнять то, что осталось от моего лица и навести, наконец, порядок. Впрочем, никогда я не умел его наводить.

Вырванный с корнем и разбитый об стену телефон, давным-давно отключенный за неуплату, звонил теперь только для того, чтобы расхохотаться в лицо, и город навалился на меня всеми своими домами, деревьями и тенями, намертво придавив к полу, чтобы я не извернулся, не выскользнул и не ушел от него в окно седьмого этажа. Зачем? я никуда не собирался.

Открывалась дверь и заходил человек с горчичным баллончиком, чтобы, наступив на мою рубашку ногой, оторвать ей рукав и унести неизвестно куда. в шкафу, в стариковской затхлости отмучившихся штанов и ботинок, поселился призрак старушки-учительницы с нижнего этажа, захлебнувшейся в крутом кипятке, хлещущем в моем туалете из треснувшего унитаза бачка.

Холодильник со скрипом раскрывал заржавленные двери, выставляя напоказ плесневелые внутренности, мертвых животных и разноцветные отравы, не леденеющие среди малахитовых пельменей и сталагмитов окровавленной морозилки.

Как-то раз, вынося среди ночи свой постыдный мусор, я встретил на лестнице давних искалеченных путников. Они курили иссохшие и раскрошившиеся за многие годы травы из своих рюкзаков и, когда я проходил мимо, они спрятали от меня свои воспаленные глаза. Как они попали сюда? Они не умели убегать, они вообще ничего не умели. Только говорить медленные слова и слюнить нечувствительным пальцем пылающие кончики своих папирос.

Я тут же подумал, что, пока валялся в бане, злой горбун завоевал город, и его тихие войска передушили всех

моих жителей, да-да, я сам видел, как их костлявые руки по локоть торчат из чужих треснувших пиджаков. Но нет, так было бы слишком просто. Победить горбуна, сбросить его в жерло недалекого вулкана, а смерть в яйце, ну и яйцо туда же... Совершать одноразовые подвиги умеет любой дурак, способный взять себя за шиворот и дернуть покрепче. Но попробуйте-ка просто подержать себя за шиворот хотя бы пару дней...

Я разорвал и сжег черный бюстгальтер, но вместо него появилась пыльная зубная щетка, я отравил призрак старушки жидкостью «Раптор», от которой в доме завелись тысячи белых тараканов, я купил себе новые штаны и опрокинул на них банку с безголовыми шпротами. Каждое утро я рвал на себе паутину, но к вечеру, опять облепленный ею с головы до ног, засыпал в ботинках, не в силах доползти до дивана.

Господи, думал я, ну почему? я же помню, я же перевоорачивал эту жизнь, почему же я не могу сдвинуть сейчас эту скользкую многотонную тушу, расплзшуюся по улицам этого города как забытое кислое тесто? Если бы то, что я сделал сегодня, оставалось хотя бы до завтра... Но оно равнодушно шлепалось назад и лениво расплзалось в ту же бесформенную лепешку.

И так будет всегда, понял я. Отныне и присно. И никто не уйдет отсюда, потому что самолеты будут летать только в гнусный город Константинополь, а поезда все давно сошли с рельсов, и последний, покрытый сосульками Летучий Голландец с седым проводником, застрявшим вместе с мусорным баком в автоматической сцепке, будет вить, проносясь мимо безлюдных разъездов.

Ненужная война была проиграна. Мне ли, тысячи раз говорившему «все будет хорошо», было этого не знать? Это лицо не стоило того, чтобы его сохранять. Такие лица,

объединенные крысами, валялись в каждой канаве бывшего города.

И что? Я роюсь в карманах — в пальто их четыре, в пиджаке — пять, в штанах — три, да ещё два на рубашке. Слишком много для последней двадцатки, которую все равно разменял ещё позавчера...

Нет, так нечестно. Я не покладал рук, валился с ног, совершал с утра по четыре подвига натошак, без единого перекура, и что осталось? Сломанная сигарета в кармане старой куртки?

И сентиментально-картонная русалка, без которой этот город вообще не имеет никакого смысла, выползла из-за спины. Она совершила кругосветное путешествие, прыгая из лужи в лужу. Господи, что же с тобой случилось? Под какими грузовиками ты валялась? Да, я понимаю, что путь вокруг света неблизкий, но почему же ты первым делом побросала именно то, что ты побросала, и почему ты так гордишься тем, что от тебя осталось?

Я знаю, почему они всегда уходят, но так и не понял, зачем они обязательно возвращаются.

Рассказать мне, что никакого дерева не было?

Зачем? Его давно спилили и построили киоск, торгующий презервативами из гусиной кожи.

Ну и сжег я этот город.

Извините, так уж вышло... Бросил в речку сигарету, все как запылало... Пожарные набежали с пирогами и блинами, да где там...

Все бред. Пыль и пепел.

Как обычно

Как обычно, Алексей проснулся как раз вовремя, чтобы опоздать на работу на законные десять минут. Если три раза последовательно опоздать, например, на пятнадцать, двенадцать и двадцать две, то пообещают уволить. Не уволят, конечно, но зачем дразнить гусей?

Зубная паста опять кончается. «Если прогладить тюбик утюгом, то вы просто поразитесь...» Дураки, он же пластиковый. Ну, на сегодня надавилось. А носки, уважаемый, надо с вечера стирать. Ладно, труба в ванной горячая, за десять минут высохнут.

Так, три минуты десятого, времени впритык. А вон и наш клиент глушителем на веревочке громыхает — шестерка восьмидесятого года. Мне до Мира-Гоголя. Курить можно?

Да, дороги... Ничего, как снег выпадет, начнут заплатки ставить... Душно, может, дождик... Врут они, эти синоптики, сами в газете жаловались, что все барометры еще при коммунистах сломались... Да нет, мне сейчас больше нравится... И пусть себе воруют, я бы тоже воровал... Ну да, вы бы не стали, конечно... а наоборот, всех бы пересажали... Полтинника хватит?

На работе все серьезные по случаю понедельника. Привет, Наташенька, а кофе еще нет? Ночью спать надо... Замуж тебе пора, вот что я тебе скажу... Ну, еще лучше дурака найдешь, он тебя будет колотить черенком от лопаты, вот тебе и женское счастье... Все женщины об этом мечтают, только не сознаются... Ладно-ладно, пошел-пошел... Ты звякни, как кофе накаплет.

Что там нам Джонатан Кэйнер обещает? «Если вы, смотрясь в зеркало, поднимете левую руку, ваше отражение поднимет правую... Плутон сегодня побуждает вас...»,

ага, понятно, сегодня надо все делать наоборот. А роза упала на лапу Азора.

Подруга прислала письмо. Как дела, что новенького... Сегодня не вырвусь, сумасшедший день... Сын кашляет... У меня ЧП... Все как обычно.

Прошел новый начальник. У него лицо убийцы из советского фильма про западную жизнь с литовскими артистами. С кустиком выше лба. А сам, как все американцы, пресный какой-то, в хлорке вымоченный. Набор готовых фраз, желтый галстук и ботинки за двести пятьдесят. Хау ар ю дуинг, Алекс? Вандерфул, Пол. Удивился, как положено. Надо отвечать «файн». Переживет. Уже пережил.

В буфете толпа, как всегда. На летней площадке жара. Пенсионер с юбилейной медалью покупает сто грамм теплой водки в мягком дрожащем стаканчике. И ведь выпьет, глазом не моргнет... Оса полюбила селедку под шубой. Кушай, милая, поправляйся, а то вон худая какая...

Переводчица Света спит, откинув голову назад, совершенно не переживая от того, что выглядит очень глупо и некрасиво. А может, она просто об этом не догадывается. Неделю назад она приехала из отпуска в Испании. Почему не хочется в Испанию? а после Светиных рассказов и вовсе... Да и вообще никуда особенно не хочется. Разве что в Шотландию, на родину... Чью родину, Аверкин? Видите ли, в прошлой жизни... Ах, в прошлой жизни...

Вот и Галина Францевна пришла, уборщица. Значит, домой пора. Надо бы молока купить и хлопьев. Толку от них — дорогие, а хватает на два раза... Девушка, мне Ариэль и Комэт... Черт, пасту опять не купил.

Вон эрдельтерьер тащит на поводке тетку. Тетке неинтересно. Она уже не испытывает энтузиазма по поводу окружающей жизни. Вероятно, у нее не такое острое обоняние. Хотя, как раз она всегда учует, что от хозяина пахнет табаком и пивом.

ТВ-6, как всегда, дерьмово показывает. Пусть себе э-ти-ви блямкает... Турецкая женщина притворяется Майклом Джексон — звуков мало, а ногами чего выделяет... Для нас даже э-ти-ви — турецкое...

На кухне в стакане со вчерашней колой плавает разлезшийся таракан. Для чего ему крылья? Вы когда-нибудь видели летающего таракана?

Вот и закончился день Алексея Аверкина. И зачем мы на него столько времени угробили?

Что-то он, впрочем, долго из ванной не возвращается, может, хоть повеситься догадался — было бы нам развлечение минут на пять...

Да нет — валяется себе в ванне, полный рукомойник пепла натряс, булькает глубокомысленно.

Аверки-ин! Ты что себе думаешь? Какого мира судьбы решаешь? Ах, про то, что надо бы борной кислоты купить да тараканов повывести? Ты про это уже пятый год думаешь.

Аверкин, ты не знаешь, зачем мы на тебя столько времени потратили? Зачем все это — борная кислота, тараканы, селедка под шубой, глушитель на веревочке? На хрена, Аверкин, а? Не знаешь, конечно...

Ну да ладно.

Пока. Спокойной ночи.

1998

О Знаках

Нет, это не астрологический трактат. Никогда не мог ничего разобрать в этих углах, домах и наклонениях.

Я долго сомневался, верить ли в астрологию и, в конце концов, присоединился к одному литературному персонажу, говорившему: «Как же вы можете утверждать, что счастья нет, когда я его неоднократно испытывал?»

Потому что, действительно, никуда от этого не денешься.

Я вижу все стороны всех медалей и ни в чем в этой жизни не уверен до конца. Могу понять и простить кого угодно, хоть черта лысого, и поэтому с некоторых пор, стал притворяться слепым и глухим, как тот бесхарактерный волшебник из фильма про Золушку. Со временем, впрочем, уже и притворяться не надо... Ну да, Весы, конечно.

* * *

От нее я научился некоторым скорпионским хитростям: когда врешь, нужно говорить как можно больше правды, а смертельно обидеть человека можно, опять же, только правдой. Не всякой, впрочем, а только той, которую он сам про себя знает, но думает, что другие не догадываются.

О, такой правды она знала про всех нас великое множество! И после пары ее пробных парализующих укусов я тоже обзавелся такой же правдой о ней. Не для того, конечно, чтобы пользоваться, с этим я не играю, потому что не люблю оставлять за собой трупов и призраков. Но как только я обзавелся своей правдой, она тут же это почувствовала, и с тех пор мы стали необычайно осторожны друг с другом и, ежемесячно расставаясь навеки, всякий раз совершали что-то вроде ритуального танца, обмениваясь непременно записками с пожеланиями счастья в дальнейшей жизни и благодарностями за счастливые минуты. Нам было что сказать друг другу на прощание. Но мы этого так до сих пор и не сказали, к счастью.

Я поверил ей, когда она сказала, что свет дивных прозрений в глазах — еще не повод ходить в вонючем свитере.

Когда мне раньше говорили то же самое, я тут же принимал это за покушение на свою неповторимость, клочковатую бороду и протертые на задку джинсы. А ей сдался не то чтобы без боя, а просто с радостью.

А впрочем, о чем это я? Все давным-давно кончилось.

Но молчит этот вечный и неистребимый телефон, и никуда от него не деться. И зазвенит он однажды, обязательно зазвенит. «Да, — скажу я, — конечно же рад...» (Я никогда не вру, а значит, буду действительно рад.) «Да, — скажу я, — конечно же, приезжай. Мне тоже очень хочется на тебя посмотреть...» И все опять прахом, и напрасно я переживал эту долгую тоскливую ломку, заново обучаясь жить, как закодированный алкоголик учится жить без водки. И зачем? Чтобы тогда, когда уже отпустило, когда уже можно жить дальше, опять нажраться как свинья?

Когда я впервые вел ее к себе домой на обед, по дороге мне удалось при помощи осторожнейших и вкрадчивейших эволюций заманить собственное либидо в чулан и огреть его по башке гантелей. Там оно благополучно провалялось до конца ее визита. Когда оно, пошатываясь от чрезмерной эрекции, явилось обратно, было уже поздно. Я сразу точно знал, что единственный способ уложить эту женщину в постель — ее туда не укладывать. Я не мог даже позволить себе посмотреть ей в спину желтым кошачьим взглядом. Единственное, чем я пользовался — она не знала о том, что я умею смотреть в глаза только любимым женщинами и ненавидимым мужчинами.

Она критически оглядела мой, как умею, холостяцкий быт, присела на ручку кресла и спросила: «А музыка хоть у тебя есть?» И, не дожидаясь окончания пожатия плечами, безошибочно нашла в пыльной стопке поцарапанных дисков именно то, что отныне будет сопровождать ее, как

тема Лапшу из «Однажды в Америке»: «Я вспомню тех, кто красивей тебя, умнее тебя, лучше тебя...»

Почему люди так прочно привязываются к звукам и запахам, к облезлой половинке кокосового ореха, к захватанному индийскому слонику, давно уже не пахнущему никаким сандалом? Весь мой дом населен призраками бывших людей, пусть давно умерших, но они же были когда-то...

А выбрасывать бесполезно. «Ну хоть люстру-то можно оставить? — Ой, Абраша, этот противный Мойша был такой затейник, такой затейник...»

Я сидел на ее кухне, прихлебывал водку «Асланов» из жестяной банки и, полуприкрыв глаза, наблюдал, как она чистит картошку. Мне некуда было спешить, все давно было решено, уже не нужно было ничего говорить и можно было спокойно жмуриться лампочке под назойливую, как утренняя тошнота, виолончель на заикающемся китайском магнитофоне. «Ты. Снимаешь. Вечернее. Платье...» «Блядь! — орал ее оторванный от баюна-телевизора муж, безработный рэкетир с выбитыми передними зубами. — У нас что, нормальной музыки нет?»

Кстати, где твои крылья, которые так нравились мне? Зачем мы были так долго знакомы, чтобы я понял, что никаких крыльев никогда не было? И почему это до сих пор так и не приобрело ровно никакого значения? я всегда был так привередлив к этим вещам.

«Слушай, — спросила она, когда пришла ко мне в последний раз, — тебе не противно?» «Нет, — ответил я, стряхивая пепел, — у меня проблем нет, я сплю с женщиной, которую люблю. Заодно, приятно наставить рога твоему текущему другу».

Я знаю о ней гораздо больше, чем нужно для ненависти и презрения. И я сумею объяснить это вам, только если

и вам известно это единственное оправдание всего на свете, всех глупостей и подлостей, всего того, чего нельзя делать никогда и ни за что. Когда, прокляв и обрадовавшись, что все, наконец-то, кончилось, и можно жить, можно дышать, осмотреться вокруг, понять, что жизнь прекрасна, и, разублаившись от удачности текущих событий, вдруг сказать вслух: «Ну, это же так просто — набрать шесть цифр...»

Это действительно очень просто — набрать шесть цифр. И она их всегда набирала. Но никогда я не был уверен, что она это сделает в следующий раз...

А она всегда знала, что я этого не сделаю никогда. Никогда — это одно из немногих умений, которыми я обзавелся за последние лет двадцать.

* * *

«Смотри, — говорит Тим Смит, тыча в карту расположения светил чисто вымытым американским пальцем, — вот здесь у вас Плутон и Венера в одном секторе, а потом он уходит налево, а Венера направо. Передавай привет».

Ну что ж, «*astra inclinant, non necessitant*», — утешающе говорит латинянка Камиля Максutowна с первого курса института иностранных языков. Жаль, что с потолка тут же рушится мерзкий «гаудеамус игитур, ювенес дум сумус...» я так и не сумел его забыть.

Post jucundam juventutem, post malestam sinectutem, nos habebit hu-u-mus...

Слишком много музыки.

Все нормально, просто планеты опять поменяли свое расположение. Ерунда, они его еще поменяют, они только этим и занимаются с утра до вечера...

Все будет хорошо.

1999

Домой

Пора возвращаться домой.

Я не помню, где он, этот дом, я забыл, как он выглядит, но, попав туда, сразу же буду знать, что это он.

Нет, это не та Шамбала, о которой рассказывал вонючий урод с торчащей из мешковины ядовито-желтой головой без единого волоска. Мне не нужна Шамбала, мне нужен просто тот дом, близость которого я чувствовал только рядом с самыми любимыми женщинами, да и то, очень и очень иногда...

Как это объяснить... Я спал на чужих постелях в чужих домах, ел чужую пищу странными приборами. Помню, как поразил меня один народ — из всего, что есть на этом свете: из рыбы, мяса, редьки, хрена, папоротника, кишок, бамбука, огурцов, они неизменно готовят одно и то же блюдо, с одним и тем же вкусом и запахом, в вечной тоске по Божьему блюду, которого однажды довелось отведать их прародителю.

Я прожил в том потерянном доме тысячи незаметных лет, ни разу не задумавшись о том, что могу однажды убежать во двор, и дальше, дальше, через арку на сонную улицу, где валяются в пыли оживающие к вечеру дохлые собаки. И уже никогда не сумею вернуться назад, как маленький мальчик, которого беспечные родители не заставили выучить наизусть свой адрес.

Я заблудился. Когда-то мне казалось, что если все время идти прямо и прямо, то этот мир обязательно кончится. Он не может не кончиться, потому что он невозможен и нежизнеспособен, населен странными и слишком простыми жителями. Он загроможден миллионами никому не нужных предметов, к каждому из которых приложен огромный список правил, напроць исключающий случайное его применение ну хоть к какой-нибудь пользе.

А потом оказалось, что идти прямо — это значит ходить по кругу, потому что правая нога длиннее левой. С тех пор я и петляю по этой замусоренной равнине, путая следы, уверяя, что знаю дорогу и стыдясь признаться в том, что никто за мной, на самом деле, не гонится...

А начиналось всё, конечно же, совсем не так.

Я стоял на желтой улице, похожей на выцветший фотоснимок. Мир застенчиво втиснулся в узкую полоску цветов от бледно-желтого до светло-коричневого. Он еще не затеял нагло буреть или багроветь, в нем еще не было черного и белого. Сейчас, через много-много лет, он опять возвращается туда же. Или мне это только кажется, потому что очень хочется?

Тогда я еще не знал, сколько мне лет, это было несущественно. Я пришел оттуда, где время ничего не значит.

И только когда я сделал первый шаг, с тоскливым скрежетом дернулся чугунный механизм, который отныне будет перекидывать меня с шестеренки на шестеренку в своих липких от древней смазки внутренностях. И только одна надежда — что однажды он вытолкнет меня в счастливое окошко, где под ногами синее небо и синие горы, и синее море, и золотой-золотой песок, и я проору свое «ку-ку» ровно двадцать четыре раза, потому что наступил новый день...

И прыгну вниз, чтобы разбиться вдребезги на мягкой шелковой траве, зная, что это ровно ничего не означает, и после короткого взрыва в голове я снова буду стоять на желтой улице. Я опять забуду всех, кого любил, и только однажды, выйдя покурить, буду долго морщить лоб, не понимая, что такого интересного в этой женщине с нагло-коричневым ртом. И только мутная тоска подскажет, что все опять умрут в конце неизбежной истории.

Бесконечные круги, круги внутри кругов, и правая нога по-прежнему, длиннее левой, и нет никакого выхода. Ну

давайте попробуем ступать левой ногой длиннее, чем правой. Нет, не получается. То есть, получается, пока помнишь, но нельзя же об этом помнить все время.

Я устал, безнадежно устал тысячу лет назад. Зачем меня опять заставляют ходить по этому кругу? Отпустите меня, пожалуйста. Нет, не отпустят, конечно.

Ласковые феи, шушукаясь, строятся в хихикающие парочки для очередного торжественного приветствия под руководством невозможного на этой жаре Деда Мороза в душной колючей бороде на голое тело. На феях, от фальшивой нежности, запотевают очечки на склерозных шнурках, выдернутых из пинеток младенцев, задушенных в объятиях. И каждая фея держит в лапке кулечек, узелочек, открыточку со стишком или целомудренный конвертик без адреса — «купи себе, что сам захочешь»... Потный Дед Мороз молодецки взваливает на горб густо накрахмаленный в позапрошлом году мешок — сунь руку и вынь то, что на ощупь понравится, всё твоё. Но только одна попытка, хо-хо-хо! (Ах, вот оно — настоящее, тяжелое и литое, как пистолет Макарова... Ну да, конечно же, это мясорубка.). Мы ждали, мы так тебя ждали! Потому что все, кто пришел раньше тебя, уже выстроены в колонны, разбиты невидимым врагом, высосаны и уложены в штабеля. С них уже нечего взять. У-тю-тю-сеньки, какой холёсенький!

И только злую фею никто не позовет на праздник, да она и сама бы не пришла, потому что лучистые старушки, промокнув голубенькие глазки, разбредутся кивать носом над клубками серой пряжи. А ей еще вести и вести этого мальчика за ручку до тех пор, пока он не научится ходить сам, а потом бить его по лапам до тех пор, пока он не научится их правильно протягивать. И в конце концов, оказаться однажды просто старой старушкой, запыхавшейся на лавочке от его такого понятного желания нестись гало-

пом, чтобы захватить всё, что находится в пределах предполагаемой досягаемости. И тяжело дышать на этой лавочке, наблюдая всё менее восторженно описываемые им круги, чтобы однажды достать из растрескавшегося ридикюля нехитрые причиндалы и торжественно появиться из-за угла с раскладной картонной косой...

Милая, милая старушка. Она всех нас любит. Сколько нас было? Сколько нужно любви на всех? а мы от нее отмахивались, мы не помнили о ней, сидящей на забытой скамеечке в забытом городе. И никто из нас не узнает её на последнем нехитром маскараде.

«Отпустите меня. Отпустите меня. Я хочу домой. Я хочу домой» — повторяю я снова стоя на желтой улице. Ну что вам с меня взять? У меня уже ничего не осталось. Вы опять хотите пропустить меня через эту мясорубку любви и ненависти, плюнуть мне в морду правдой, посмотреть, как я в десятитысячный раз стану корчиться... Не надоело? Я не понимаю, почему вам это еще не надоело. Вы — как злые дети, которые никогда не устают повторять одну и ту же глупую шутку.

Бабушка, ну где ты там? Давай в этот раз сделаем всё покороче.

Когда я вернусь, пусть будет шесть часов дня.

За что нас так не любят женщины

Вероятно, этот труд следовало озаглавить: «За что меня так не любят женщины», но я подумал, что, хотя комбинаторика человеческих архетипов достаточно велика, она все же не безгранична и почти наверняка есть ещё на свете хотя бы один бедолага, которого женщины не любят по тем же причинам. Увы, сам я с этим бедолагой не знаком, поскольку всех известных мне мужчин женщины любят практически беспрерывно и огромными толпами, зная при этом свое, единственно правильное, место подавальщиц закуски и безотказных потребительниц их неиссякаемого мужского либидо. К вам, уважаемые счастливицы, это «мы» ни в коем случае не относится. Представляю, как смешно будет вам читать это узкоспециализированное исследование. Кроме того, употребляя термин «женщины», я, безусловно, подразумеваю только тех из них, кого знаю лично. К сожалению, я пока знаком не со всеми из ныне живущих женщин, хотя и продолжаю очень активно работать в этом направлении.

Итак, за что же нас так не любят женщины?

Во-первых, и прежде всего, они не любят нас за сам факт нашего существования.

Практически единственный способ добиться хотя бы кратковременного оживления любви — это исчезнуть навеки. Для этого совсем не обязательно, и даже противопоказано, вешаться на трубе в ванной (женщина скажет: «Ну и дурак», и будет совершенно права), достаточно теплого прощания с выражением, по возможности, искренней благодарности за счастливо проведенные минуты и пожелания успехов в дальнейшей жизни. Важно при этом всегда помнить, что десять Станиславских в подметки не годятся даже самой захудалой женщине, поэтому умышленное расставание с целью пробуждения любви заранее обречено на полный провал, ибо ничего, кроме смеха и раздражения, не вызовет. Нужно действительно расставаться навеки.

Проблема тут в том, что где-то на четырнадцатом прощании вам самому будет крайне сложно поверить в серьезность происходящего.

С другой стороны, женщины не любят, когда нас нет.

Им постоянно нужно иметь поблизости существо, несущее прямую ответственность за все происходящие с ними безобразия и являющееся прямым виновником печального несовершенства этого мира. Кто-то ведь должен понести наказание, если их облила грязью проезжающая мимо машина?

Трагедия одинокой женщины состоит в том, что в ее жизни нет торжества справедливости, и некому ответить за творящиеся вокруг преступления.

Это два краугольных камня нелюбви женщин к нам. Остальное — не более чем кирпичи, но всегда нужно помнить о том, что в женской постройке нет ни одного кирпича, который можно было бы вынуть без опасности быть немедленно и безнадежно погребенным под рухнувшими стенами. Посему никакой иерархии нижеприведенных причин не существует.

Женщины не любят, когда мы их любим.

Действительно — что может быть хуже неизменной собачей преданности в глазах, назойливых поцелуйчиков некстати и вопроса: «А что ты такая грустная?» Ничего. Разве что заботливо заштопанное нижнее белье любимой, выстиранное и развешенное на батарее.

Кстати, о белье. О мужском, естественно.

Вы себе не представляете, какое воздействие на женщину может произвести мужчина примерно моей комплекции в черных сатиновых трусах чуть выше колена.

Я даже планировал провести специальный опыт: сажают женщину продуктивного возраста в кресло и замеряют у нее уровень эстрогена в крови. (Эстроген — это женский половой гормон, если кто-то не знает.)

Затем выводят меня в этих самых трусах. Я совершаю различные физкультурные эволюции, наподобие культуристов на конкурсе красоты, пытаюсь надуть бицепс, бью в воздухе пяткой о пятку... У женщины повторно замеряют содержание эстрогена, если таковой ещё полностью не распался на тестостерон.

К сожалению, из-за отсутствия добровольцев этот опыт пока провести не удалось. А жаль, результаты могли быть очень интересными.

Женщины не любят нас за то, что мы их не любим.

Они ежеминутно берут у нас анализы, делают пункции, ставят на нас опыты для того, чтобы выявить ослабление

нашей к ним любви на самой ранней стадии, иногда даже ещё до ее наступления. Как правило, мужчина, не напрочь лишенный чувствительности, начинает при этом чувствовать себя не очень комфортно, без конца с ужасом прислушиваясь к собственному организму — а не разлюбил ли он ее?

Женщины не любят нас за то, что мы пахнем.

Вообще, запахи в мире женщин занимают непропорционально большое место. Если бы мы относились к запахам так же серьезно, мы никогда не дожили бы до таких лет.

Вспоминается, как часа в два ночи я возвращался по архангельскому девственному морозцу в казарму, благоухая доперестроечным коньячком «Ахтамар» в счет оплаты за дембельский альбом, и был встречаем обледеневшей дверью с сочащимся из щелей густейшим настоем из запахов от ста пятидесяти не мытых три недели мужских тел, уложенных в два слоя; каменных портянок, присохших к сапогам, измазанным неизвестной гадостью, купленной прапорщиком Ревякиным из экономии вместо гуталина; отрывки от тухлой капусты на ужин и обеденного горохового пюре, с грохотом пробивающего дорогу назад, на свежий воздух; свежeproлитой в поте лица своего спермы; гнойников, никогда не заживающих из-за висящей в воздухе нечувствительной дряни от запусков ракет со спутниками...

Что нам после этого — понюхать свою подмышку? Пустяк.

Однако, если мы хотим найти с женщиной хотя бы видимость временного взаимопонимания, мы обязаны научиться ориентироваться в этом мире запахов. Нам нужно бесконечно принюхиваться к себе и к окружающим, дышать в ладонь и проветривать помещение.

Женщины не любят, когда мы не пахнем.

Здоровый инстинкт самки требует, чтобы мужчина пах мужчиной. Иначе он годится только на то, чтобы беседовать с ним о художнике Шишкине. К счастью, нам это не грозит. Не пахнуть нам не удастся практически никогда.

Женщины не любят нас за то, что мы пьем.

Это очевидно и не нуждается в дальнейших комментариях.

Разве что в связи с вышеизложенным пунктом о запахах следует упомянуть, что меня всегда удивлял кинофильм «Ирония судьбы» — после такой дозы ерша лезть к женщине целоваться можно минимум через сутки, да и то, если провести эти сутки в ванне с кипятком, потому что, увы, перегар не исчезает от салата, даже с хреном.

Женщины не любят нас за то, что мы не пьем.

Они небезосновательно полагают, что в нашем проспиритованном мире быть полным трезвенником может:

а) безнадежный моралист или доморощенный сверхчеловек, наслаждающийся своим превосходством перед окружающими;

б) безнадежно больной;

в) безнадежный алкоголик. Одна моя знакомая, у которой мама была нарколог, безошибочно выявляла алкоголиков именно по их полной трезвости в пьяной компании.

Женщины не любят нас за то, что мы делаем карьеру, прекрасно понимая, что их место при этом теоретически — второе, а на практике — шестнадцатое. Мало кто из них готов нести почетные тяготы прислуги великого человека. Да и о сублимации либидо в трудовой порыв не стоит забывать.

Женщины не любят нас за то, что мы валяемся на диване и ни к чему не стремимся.

Ибо это означает, что лучшие годы и ещё не погибшая красота достанутся этому обшарпанному помещению и ленивому типу, с которым выйти некуда и не в чем.

Кстати, о «мне не в чем завтра пойти».

Часто представляется мне по этому поводу королева Англии Елизавета II, восклицающая: «Что? в этой шляпке? Да я же в ней провожала пароход с нашими доблестными войсками в сорок втором году! Неужели вы думаете, что кто-то это забыл?».

Долгих Вам лет жизни, Ваше Величество.

Женщины не любят нас за то, что мы прислушиваемся к их мнению.

Одна знакомая рассказывала: «Знаешь, я чуть не вышла за него замуж. Но когда мы пошли с ним в магазин и он спросил: «Дорогая, а какую зубную пасту мы купим?», я послала его на хер. Что это за мужик? Мне что, всю жизнь ему сопلي подтирать?».

Женщины не любят нас за то, что мы не прислушиваемся к их мнению.

Ну, это понятно. Кому же это понравится?

Проницательный читатель, конечно же, давно понял, куда я клоню, приводя эти пары взаимоисключающих нелюбей. Лет двадцать назад я тоже думал, что понял. К счастью, это быстро прошло.

Увы, мой дорогой читатель, больше всего прочего, женщины не любят золотой середины, умеренности во всем и рассудительности. Если вы неспособны на порыв, на

полный идиотизм и безрассудство, от вас отвернется самая последняя вокзальная алкоголичка. Беспечность, неумеренность и мотовство — вот наш девиз. При этом жизненно важно всегда иметь в заначке хотя бы сотню баксов на непредвиденные безумства.

Разумеется, я мог бы перечислить ещё несколько тысяч причин, по которым нас так не любят женщины, но я и без того уже слишком злоупотребил вашим вниманием. Те же, кого действительно занимают вопросы нелюбви, смогут в самом ближайшем будущем прочесть мой фундаментальный труд с графиками, диаграммами и списком использованной литературы.

С другой стороны, мне искренне жаль того наивного читателя, который, может быть, надеялся найти здесь некие практические рекомендации, подобные тем, которыми полны журналы для домохозяек и настоящих мужчин.

Увы, чем далее продвигаюсь я в своих исследованиях, тем более прихожу к неутешительно банальному выводу о том, что никаких правил здесь нет. Это чистая эквилибристика, как выразилась одна из женщин — «с камушка на камушек — и на другой берег».

Но нам не нужно на другой берег. Мы хотим бесконечно — с камушка на камушек.

Единственный разумный, как мне кажется, совет: прежде чем сломя голову бросаться в эти скачки, полезно развести на берегу костерок, приготовить сухое одеяло и бутылочку чего-нибудь, согревающего сердце и врачующего душу. Они вам очень пригодятся, когда вы, стуча зубами, выберетесь из ледяной воды.

Впрочем, женщины очень не любят нас за то, что у нас всегда есть запасной вариант.

Приложение:
Несколько простых правил обращения с любимой женщиной

1. Когда она рассказывает вам про то, какая она сука и стерва — прислушайтесь. Она говорит правду.

2. Никогда, даже наедине с собой, не считайте ее сукой и стервой. Она ими не является.

3. Никогда не используйте грамматическую конструкцию «если ты ..., то я ...». Просто не используйте, и всё.

4. Никогда не используйте грамматическую конструкцию «если я ..., то ты ...». По тем же причинам.

5. Когда она говорит «милый», посмотрите на себя в зеркало и ощупайте голову.

6. Когда она говорит, что любит вас, не верьте. Еще раз ощупайте голову.

7. Вообще, щупайте голову как можно чаще. Постарайтесь успеть раньше нее. Хотя бы на пять минут. Иначе будет мучительно больно.

8. Помните, что уходит она один раз и навсегда. Можно вернуть. Она вернется. Но уже не нужно.

9. Никогда не говорите при ней о деньгах. Просто дайте их ей и всё. Если вы однажды произнесли при ней фразу «А ты знаешь, сколько мне это стоило?», дальше можно не читать.

10. Всегда помните о том, что та сумма, которой её можно поразить, существенно превышает ту сумму, которую вы зарабатываете.

11. Просто не будьте дураком. Наказуемо немедленно.

12. Никогда не пытайтесь её подавить - деньгами, интеллектом, пиджаком за восемьсот баксов, сотовым телефоном, нечеловеческим благородством. Она несжимаема как вода.

13. Будьте всегда сильнее её. Она не любит слабых. Но никогда не показывайте этого, потому что она не любит сильных.

14. Никогда не плачьте и не становитесь перед ней на колени. Она не оценит силу вашей любви и уйдет тошнить в туалет.

15. Никогда не говорите «женщина должна». См. пункт 3.

16. Любите её. Просто любите. Тогда можно нарушать все пятнадцать предыдущих правил. Если её это устроит. Но всё равно лучше не надо.

СКАЗКИ	5
Сказка, которую все знают	5
Один благородный рыцарь	15
Бывшая сказка.....	17
Сказка старого короля.....	24
ВОТ ТАКАЯ ИСТОРИЯ	33
Городки.....	33
Язык.....	40
Ботинки	43
Михель.....	49
ПРО ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА.....	55
Пистолет.....	55
Скрепки	64
Гипертония.....	66
Кепка.....	68
Енот и папуас	70
Город-3.....	74
Как обычно.....	81
О Знаках	83
Домой	88
ЗА ЧТО НАС ТАК НЕ ЛЮБЯТ ЖЕНЩИНЫ	92
Приложение:Несколько простых правил обращения с любимой женщиной.....	99
РАССКАЗЫ	102
Сборник.....	102

Дмитрий Горчев

Рассказы. — Санкт-Петербург: «Геликон Плюс»,
1999. — 102 с.

В первую книгу молодого прозаика вошли рассказы, сказки, миниатюры. Создаваемый писателем мир необычен, его язык точен и прост, его ирония горька, но не безнаджна.

ISBN 5-7559-0057-4

Дмитрий Горчев

РАССКАЗЫ

Сборник

Корректор Т. П. Княжицкая
Верстка И. П. Каспари

Дизайн обложки автора

Изд. лицензия 065684 от 19.02.98
Подписано в печать 28.06.99. Формат 84 х 108¹/₃₂
Гарнитура журнальная. Печ. л. 5, 75.

Отпечатано в издательстве «Геликон Плюс»
СПб., В.О., 1-я линия, д. 28

p r i n t - o n - d e m a n d

Дмитрий Горчев живет и работает в Алма-Ате, посещает виртуальное ЛИТО им. Лоренса Стерна (<http://www.lito.spb.ru/>), где помимо участия в обсуждениях выполняет обязанности секретаря и дизайнера. Входит в редколлегию виртуального журнала иронической литературы «Сирано» (<http://www.cyrano.spb.ru>).

Прозу Горчева отличает исключительное внимание к слову, отточенный стиль, горькая и мудрая ирония.

Сочинения и рисунки Дм. Горчева можно найти на его сайте в Интернете <http://www.gorchev.spb.ru>.